

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

Том 6

№1(15)

2025

25.03.2025

Том 6 №1(15) 2025

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ

25 марта 2025 года

RELEASE DATE:

March 25, 2025

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер:

серия ЭЛ № ФС 77-78424

от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала

ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number:

ЭЛ series no. ФС 77-78424

of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal

ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,

ул. им. Гагарина, д. 8

Тел.: (8442) 72-68-46;

e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,

Gagarin Street Campus, building 8

Tel.: (8442) 72-68-46;

e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2025

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 2025

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах – Университет Мансуры, Мансура, Египет

Кечина Евгения Аркадьевна – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Кублин Игорь Михайлович – Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Поцелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa(Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatasseBella – Mansoura University, Mansoura, Egypt

Evgenia A. Kechina – Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University Volgograd, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

- Али-заде Айдын Ариф оглы** – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан
- Алмосов Александр Павлович** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Анисимов Алексей Павлович** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Аширбекова Мадина Таукеновна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Баранов Андрей Владимирович** – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
- Барсукова Татьяна Ивановна** – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия
- Болтанова Елена Сергеевна** – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
- Брехова Юлия Викторовна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Ван Цзиньлин** – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР
- Гурбанов Физули Магомед оглы** – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан
- Дроздова Юлия Алексеевна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Иванова Татьяна Борисовна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Ишмухамедов Шарип Абдрахманович** – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан
- Карипов Балташ Нурмухамбетович** – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан
- Климук Владимир Владимирович** – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь
- Лю Янь** – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР
- Максимова Ирина Васильевна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Маслова Надежда Валентиновна** – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия
- Марусинина Елена Юрьевна** – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия
- Рагозина Татьяна Эдуардовна** – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия
- Столярова Алла Николаевна** – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия
- Талипова Нигора Тулкуновна** – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан
- Устюкова Валентина Владимировна** – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

- Aydin A. Alizade** – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan
- Alexander P. Almosov** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Aleksei P. Anisimov** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Madina T. Ashirbekova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Andrey V. Baranov** – Kuban State University, Krasnodar, Russia
- Tatyana I. Barsukova** – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
- Elena S. Boltanova** – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
- Yulia V. Brekhova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Wang Jinling** – Changchun University, Changchun, China
- Fuzuli M. Gurbanov** – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan
- Yulia A. Drozdova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Tatyana B. Ivanova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Sharip A. Ishmukhamedov** – Turan University, Almaty, Kazakhstan
- Baltash N. Karipov** – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan
- Vladimir V. Klimuk** – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus
- Liu Yan** – Changchun University, Changchun, China
- Irina V. Maksimova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Nadezhda V. Maslova** – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia
- Elena Yu. Marusinina** – Volgograd State University, Volgograd, Russia
- Tatyana E. Ragozina** – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia
- Alla N. Stolyarova** – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
- Nigora T. Talipova** – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan
- Valentina V. Ustyukova** – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

Чукин С. Г.

Поиски очередного «-изма»: к вопросу
о философской идентификации
современной эпохи..... 7

Chukin S. G.

The search for the next "-ism": on the issue
of philosophical identification
of the modern era..... 7

Яхьяев М. Я.

Ислам и демократия:
проблема совместимости..... 25

Yakhyaev M. Ya.

Islam and democracy: the problem
of compatibility..... 25

Ишмухамедов Ш. А.

Современные особенности трансформа-
ции политических институтов
в Казахстане..... 37

Ishmukhamedov S. A.

Modern features of transformation
of political institutions
in Kazakhstan..... 37

Евсеева Н. В., Макаренко К. М.

«Образ будущего» в формировании го-
родской и общегражданской идентично-
сти молодежи новых субъектов
Российской Федерации..... 44

Evseeva N. V., Makarenko K. M.

«Image of the future» in the formation
of urban and civic identity of youth
in new subjects of the
Russian Federation..... 44

Горбачева Н. С.

Концепция «центр-периферия» в совре-
менном геополитическом процессе..... 55

Gorbacheva N. S.

The concept of "center-periphery" in the
modern geopolitical process..... 55

ЭКОНОМИКА**ECONOMICS****РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА****REGIONAL ECONOMY****Севостьянова С. А.**

Модели развития региональных программ поддержки ипотечного кредитования..... 67

Sevostyanova S. A.

Models for the development of regional mortgage lending support programs..... 67

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА**SECTORAL ECONOMICS****Дьяченко А. В.**

Влияние БПЛА на развитие и организационно-экономические взаимодействия сельскохозяйственных предприятий..... 80

Diachenko A. V.

The impact of UAVS on the development and organizational and economic interactions of agricultural enterprises..... 80

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ**ECONOMICS AND MANAGEMENT****Сметанин А. С.**

Интегрированная стратегия управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией бизнеса в России..... 89

Smetanin A. S.

Integrated strategy for management of sustainable development and digital transformation of business in Russia..... 89

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 141.2

ПОИСКИ ОЧЕРЕДНОГО «-ИЗМА»: К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Сергей Георгиевич Чукин

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В качестве основания для философской идентификации истории в статье предлагаются способы и формы решения проблемы сложности, под которой понимается количество элементов социальной системы и способы связи между ними. Тип сложности, с которым столкнулось современное человечество на групповом и индивидуальном уровне характеризуется эмерджентностью, то есть отсутствием необходимой каузальной связи между целым и составляющими его элементами. Практикуемый в традиционном и современном обществе способ решения проблемы сложности через её упрощения с помощью редуктивной методологии, неприменим по отношению к эмерджентным феноменам. Постмодерн считал сложность и неопределённость как её следствие нормальным состоянием и отказывался от поиска устойчивых форм единства и целостности. Одним из претендентов на роль современной социальной парадигмы считается метамодернизм, однако предлагаемые его авторами способы решения проблемы эмерджентной сложности, остаются в рамках постмодернистской модели. Более перспективной видится концепция «здорового смысла», анализ которой предпринят в данной статье.

Методы. В работе использовались дедуктивно-номологический и компаративный методы, с помощью которых была определена проблема сложности как главный источник неопределенности и связанных с нею рисков и опасностей. В результате сравнения способов решения проблемы сложности в традиционном, современном и постмодерном обществе выявлены общее и особенное в каждом из них.

Анализ. Проблема идентификации современной эпохи формулируется как противоречие между онтологией социокультурного бытия, которая представлена множеством разно-

родных объектов, не связанных между собой необходимыми отношениями, и отсутствием эпистемологических, логических и лингвистических инструментов для доступа к этим объектам. Выявлены и исследованы характерные признаки современности как нового уровня сложности, рассмотрены предлагаемые в литературе подходы к её организации, дана их оценка.

Результаты. Установлено, что главным онтологическим признаком современной эпохи является достигнутый ею уровень сложности, характеризующийся эмерджентным характером связи между действиями людей и их результатами. Его катализатором выступают цифровая революция и основанные на ней технологии. Поиск устойчивых форм единства, которые необходимы для решения глобальных, локальных и индивидуальных проблем, невозможен без понижения уровня сложности. Одним из решений может стать обращение к концепции «здравого смысла».

Ключевые слова: современность, модерн, постмодернизм, метамодернизм, сложность, неопределенность, эмерджентность, здравый смысл.

UDC 141.2

THE SEARCH FOR THE NEXT "-ISM": ON THE ISSUE OF PHILOSOPHICAL IDENTIFICATION OF THE MODERN ERA

Sergey G. Chukin

Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. As a basis for the philosophical identification of history, the article suggests ways and forms of solving the problem of complexity, which refers to the number of elements of a social system and the ways of communication between them. The type of complexity faced by modern humanity at the group and individual levels is characterized by the emergent nature of the events taking place, that is, the lack of the necessary causal connection between the whole and its constituent elements. The method of solving the problem of complexity practiced in traditional and modern society through its simplification using a reductive methodology is not applicable to emergent phenomena. Postmodernity considered complexity and uncertainty as its consequence to be a normal state and refused to search for stable forms of unity and integrity. Metamodernism is considered one of the contenders for the role of social metatheory, however, the ways proposed by its authors to solve the problem of emergent complexity remain within the framework of the postmodern model. The concept of "common sense", which is analyzed in this article, seems more promising.

Methods. The work used deductive-nomological and comparative methods, which were used to identify the problem of complexity as the main source of uncertainty and associated risks and dangers. As a result of comparing the ways of solving the problem of complexity in traditional, modern and postmodern societies, common and special features in each of them are revealed.

Analysis. The problem of identification of the modern era is formulated as a contradiction between the ontology of sociocultural existence, which is represented by a multitude of heterogeneous objects that are not interconnected by necessary relationships, and the lack of epistemological, logical and linguistic tools for accessing these objects. The characteristic features of modernity as a new level of complexity are identified and investigated, approaches to its organization proposed in the literature are considered, and their assessment is given.

Results. It has been established that the main ontological feature of the modern era is the level of complexity achieved by it, characterized by the emergent nature of the relationship between people's actions and their results. Its catalyst is the digital revolution and the technologies based on it. The search for sustainable forms of unity that are necessary to solve global, local and individual problems is impossible without lowering the level of complexity. One solution may be to turn to the concept of "sensus communis".

Keywords: modernity, modernity, postmodernism, metamodernism, complexity, uncertainty, emergence, common sense.

Введение

Подбор наименования-ярлыка для обозначения времени является важным и необходимым шагом в его идентификации, помогает встроить современность в поток истории, выделив её наиболее характерные, специфические признаки. Претендующее на успех название опирается на теорию, чаще всего эстетическую, поскольку художники и теоретики искусства отличаются повышенной восприимчивостью к изменениям, чувствуют «запах тления» на ранних стадиях разложения форм социальной жизни и первыми замечают едва проклюнувшиеся ростки будущего. Для них, а также для философов и обществоведов, которые подключаются к процессу «изобретения» названия позже, целью является новая парадигма, включающая в себя новые средства для описания и объяснения реальности, поскольку прежняя исчерпала себя, её теоретические и методологические ресурсы устарели. Сегодня в такой ситуации оказался постмодернизм, который последние тридцать лет считался общепризнанной междисциплинарной матрицей, задающей направление исследований во всех отраслях гуманитарного и социального знания и оказавшей существенное влияние на реальную политику в большинстве её ответвлений.

Сложность и неопределенность как основания для типологии обществ

Среди эпитетов, описывающих современную ситуацию, самым часто встречающимся, является «неопределенность». Вот некоторые характерные суждения: «Мы живем в эпоху неопределенности»; «ситуация характеризуется неопределенностью»; «нет определенности по вопросу...»; «отношения между сторонами характеризуются неопределенностью». Во всех этих употреблениях «неопределенность» ассоциируется с непонятностью, неясностью, запутанностью, непредсказуемостью, неуверенностью, отсутствием отчетливых границ, и имеет негативные коннотации, таит возможность угроз и опасностей. Её противоположностью выступает «определенность», понимаемая как ясность, понятность, однозначность, точность, устойчивость.

Если исключить высшие силы, то источников неопределенности два: первым является субъект, который не может опознать объект из-за отсутствия необходимых для этого знаний, а другим – сам объект, который еще не обрел свою идентичность, не сформировался, не обладает достаточными и необходимыми для определения признаками. В последнем случае это может быть связано с тем, что он находится в процессе становления или изготовления, на промежуточной стадии, например, в процессе видообразования или химической реакции. В случае с человеческими делами примером может быть незавершенность строительства объекта или создание промышленного изделия.

Неопределенность может быть объяснена новизной ситуации или вещи, когда они обладают свойствами и способностями, которые не могут быть поняты в терминах элементов, из которых они состоят, а у субъекта нет теоретической и методологической компетентности справиться с проблемой. Иногда неопределенность в поведении и отношениях создается и поддерживается намеренно, если участники еще не определились относительно того, что от них ожидают. Особенно это характерно для политики, где интересы нестабильны и категоричность считается признаком непрофессионализма: «да» в устах дипломата означает «может быть», а слово «нет» вовсе отсутствует. В сохранении неопределённости могут быть заинтересованы находящиеся в романтических отношениях люди, еще не решившиеся на определенность или не готовые к ней.

Неопределенность связана со сложностью, является её следствием. В философии Канта сложное и простое как её противоположность образуют вторую антиномию чистого разума: равноценными с доказательной точки зрения являются как утверждение о том, что нет ничего простого, а все сложно, так и утверждение о том, что любая сложность может быть упрощена. Мир как он есть сам по себе, есть такой, какой он есть, а именно – бесконечное разнообразие и многообразие вещей, процессов и состояний. Уже это делает его сложным, если последнее понимать как комплексность, сложенность из множества отдельных элементов.

Поскольку природа всегда была такой, какой она является сейчас, то проблема сложности исходит от человека, который имеет дело не со всем миром, а лишь с той его частью, которая доступна его восприятию, интеллекту и физическим возможностям. Этот мир хотя и сложен, но доступен пониманию посредством его упрощения, сведения к лежащим в его основе общим принципам и законам. В нем действуют причинно-следственные связи, поведение составляющих его объектов в основном предсказуемо.

Философское оформление такого понимания сложности дал Кант, разделивший мир на две части: феноменальный, то есть доступный чувственному восприятию и логическому познанию, и ноуменальный, который лежит за пределами познания и опыта. Он «сузил» мир, сделал его проекцией чувственности, рассудка, языка, культуры, положив тем самым начало анти-реалистическому тренду в философии и науке. Разумеется, феноменальный мир расширяется по мере того, как наука, прежде всего физика, проникает все глубже в материю, открывает новые её элементы, их свойства и закономерности. Собственно, расширяется не мир, но наши знания о ранее неизвестных его свойствах, и это если и является проблемой, то временной, преодолеваемой с помощью имеющихся эпистемологических и практических инструментов.

Решение Канта можно рассматривать как способ справиться со сложностью мира посредством установления тождества между возможностями и способностями человека и миром вне его. Критерием достижения этого тождества является доступность познанию: человек в состоянии организовывать и контролировать только тот мир, о котором он имеет надежные знания. Но такие знания он имеет о том мире, который им самим обозначен и структурирован, то есть сведен к объекту познания. Кант не отрицает существования мира самого по себе, но считает напрасными усилия по его познанию ввиду отсутствия для этого необходимых эпистемологических инструментов. По сути это означает намеренное уменьшение сложности, отказ от необоснованных, неподкреплённых познавательными и практическими ресурсами притязаний. Постепенно, шаг за шагом человечество «расколдовывало» мир, делало его понятным и соразмерным человеку, доступным рациональной организации и контролю. Эта цивилизационная стратегия получила название «проекта модерна».

Модерн как способ решения проблемы сложности

Типы сложности, с которыми он имел дело, были организованы как механизм и организм. Под первым понимают соединение нескольких частей, которые, получая энергию извне, за счет взаимодействия друг с другом обеспечивают преобразование одного вида движения в другой. С механизмами люди имеют дела давно, они усложняются по мере приближения к нашему времени, но принцип устройства и работы остается неизменным. Вот как его характеризует Гегель: «*Механический характер* заключается в том, что, каково бы ни было соотношение соединяемых [объектов], оно чуждо им, не касается их природы, и хотя

бы оно и было связано с видимостью чего-то единого, оно все же остается только *сложением, смесью, кучей* и т. д.» [5, с. 159]. Механизмы создаются людьми для выполнения определенных задач, принцип их работы понятен создателю и пользователю, они доступны разборке, обслуживанию, ремонту, повторной сборке и замене аналогичным устройством. Классическая физика Галилея и Ньютона рассматривала весь мир как большую машину, функционирующую по выявленным ими законам. Механистический подход применялся при объяснении общества и человека.

Организм является более сложным уровнем организации частей в целое. В отличие от механизма, задачу которому ставит его пользователь, целью организма является сохранение себя, и все его части работают на её достижение. Организм формируется посредством ответов на вызовы окружающей среды, приобретая качества и способности, необходимые для самосохранения. Он опирается на собственные, наследуемые ресурсы, способен к адаптации, параллелизму функций. Утвердившись в биологии во второй половине XIX-го столетия, организменная модель стала одной из первых форм натурализма в социальном познании.

Механизм и организм как разновидности сложной системы объединяет то, что в них отдельные части не имеют самостоятельной ценности, их предназначение в том, чтобы служить целому. Мануэль ДеЛанда называет такие системы «бесшовными», имея в виду, что они сплавляются в неразличимое и неразделимое единство с целым [22, с. 184]. Модерн был деспотичен по отношению к единичному и отдельному, не признавал за ними самостоятельного значения, считал несущественными, случайными отклонениями от общего. Это объяснялось тем, что главным инструментом модернизации была наука, имеющая дело только с универсальным в форме законов, принципов и других инвариантов, которые она использовала для упорядочивания действительности, её упрощения и сокращения. Но наступил момент, когда, по образному выражению К. Н. Леонтьева, «атомы шара не хотят более составлять шар» [8, с. 251], и проявляют стремление к тому, чтобы жить самостоятельной жизнью, самим определять, с кем и как смешиваться. Русский мыслитель рассматривал это событие как свидетельство упадка, результат того, что идея, не дающая частям разбежаться в разные стороны, утратила свою цементирующую силу.

Констатация того, что эта сила иссякла, означала завершение «проекта модерна» и возникновение нового вида сложности, такого, при котором действительность представлена множеством автономных объектов, каждый из которых претендует на самостоятельный бытийный статус. Это то, что получило название «ситуации постмодерна», а различные способы и формы её концептуализации известны как «постмодернизм».

Апология сложности в постмодернизме и эмерджентизме

Лозунгом постмодерна стал призыв к утверждению онтологической, эпистемологической, социальной и культурной ценности различия, и принципиальный отказ от поиска

устойчивых форм единства. Сложность постмодерна состоит в том, что образующие его пространство объекты, являются монадами, которые, в отличие от монад Лейбница, не имеют врожденной предрасположенности к общению друг с другом, и единственным их стремлением является сохранение бытийной устойчивости. Для этого они задействуют все доступные им внутренние и внешние ресурсы, вступая в отношения с другими объектами, но лишь в тех формах и способах, которые считают необходимыми. То есть, какого-то интегрирующего центра, обладающего командными полномочиями, не существует. Инициатива исходит снизу, и создаваемые союзы являются ситуационными, временными.

Таким образом, тип сложности, с которой человечество столкнулось в эпоху постмодерна, отличается тем, что исключает упрощение, характерное для редуктивной методологии. Объекты постмодерна – это не механизмы, и не организмы, а нечто новое, то, что Б. Латур назвал «сборками», а М. ДеЛанда – «ассамбляжами». Это целостности, которые, в отличие от органических целостностей, состоят из элементов, часть из которых являются «собственностью» объектов, входящих в состав их видовой оснастки, а часть заимствуются извне, от других объектов, с которыми устанавливаются временные союзы. То есть, действительность мыслится как множество автономных объектов, каждый из которых обладает самостоятельным онтологическим статусом, индивидуальным носителем сущности. Минимум необходимых свойств для сохранения своей устойчивости каждый объект получает в наследство, как генотип, однако его недостаточно для того, чтобы сохраниться в конкретных условиях, которые подвержены изменениям. Поэтому объекты вынуждены вступать в отношения с другими объектами, «добирая» от них то, чего им не хватает для стабилизации своего состояния. ДеЛанда называет реально существующие воплощения сущности «индивидуалиями» [6, с. 17-60], подчеркивая тем самым то, что они представляют собой единство свойств, признаков и способностей, сформировавшихся в ходе генезиса объекта из своего доиндивидуального состояния, и свойств, приобретенных «на месте», то есть из среды, в которой объект оказался. Иными словами, актуальное бытие любого объекта – это его бытие в качестве индивидуального, а значит – случайного – воплощения сущности.

Сложность такого плюрального мира состоит в том, что он утратил целостность, единство: все хотят быть центрами, и никто не желает быть частью. Следствием этого является фрагментированная картина действительности. Физик и философ науки Нэнси Картрайт назвала его «пестрым», и утверждает, что мы живем в мире богатом разнообразными вещами, с разными характерами, которые ведут себя по-разному. Законы, описывающие этот мир, представляют собой лоскутное одеяло, а не пирамиду: «Насколько нам известно, большая часть того, что происходит в природе, происходит по воле случая, не подчиняясь никаким законам. То, что происходит, больше похоже на результат переговоров между доменами, чем на логическое следствие системы порядка. Пестрый мир – это то, что, по большей части является естественным состоянием: упорядоченное поведение является результатом хорошей инженерии» [21, с. 3].

Одно из объяснений сложности современного мира дают сторонники современного эмерджентизма. Они предлагают рассматривать современные формы сложности как самоорганизующиеся системы, которые строятся «снизу – вверх», при этом те, кто находятся на нижнем уровне, – а это уровень индивидов, – не ставят перед собой глобальных целей, а строят лишь свой небольшой «мирок», используя те возможности, которые находятся в пределах их досягаемости и подвластны (по силам) им. Результатом являются целостности, которые, как заметил Стивен Джонсон, «умнее своих частей»: «... они решают проблемы, опираясь на множество относительно бессмысленных элементов, а не на единую разумную «исполнительную власть». Это системы, работающие по принципу «снизу-вверх», а не «сверху вниз». Они получают информацию снизу. Выражаясь более техническим языком, это сложные адаптивные системы, которые демонстрируют изменчивое поведение. В этих системах агенты, находящиеся на одной ступени, начинают вырабатывать поведение, которое находится на одну ступень выше их: муравьи создают колонии; горожане создают кварталы; простое программное обеспечение для распознавания образов учится рекомендовать новые книги. Переход от правил низкого уровня к более высокому уровню сложности – это то, что мы называем эмерджентностью» [23, с. 20].

Постмодерн, своим отказом от централизации, спровоцировал появление большого количества эмерджентных систем, характеризующихся нестабильностью, неопределенностью и наличием более чем один вариантов дальнейшего развития. Просчитать, спрогнозировать развитие ситуации является почти невыполнимой задачей из-за наличия множества разнородных и случайных факторов, выявить каузальный вес каждого из которых не под силу даже современным компьютерам. Участвовавшие финансовые, экономические, политические кризисы, случаются совершенно неожиданно не только для обывателей, но и для тех, кому положено заниматься анализом и прогнозом в указанных областях. Популярный современный автор, биржевой аналитик и специалист в области статистики Николя Насим Талеб утверждает, что в финансово-экономической и политической сферах сегодня большую роль играют необъяснимые случайные факторы, которые он назвал «черными лебедями» [17].

Одним из источников современной сложности является глобализация, создавшая такую запутанную сеть связей, в которой проблемы в одном из узлов могут обрушить всю систему. Подтверждением этого стал мировой финансовый кризис 2008 года, пандемия COVID-19, война между Израилем и движением ХАМАС в 2023 году, падение режима Башара Асада в Сирии в 2024 году. На усложнение социальной жизни оказала влияние цифровая революция, качественно изменившая все сферы жизни общества и индивида, и породившая новые формы коммуникации. Трансформировалась групповая и индивидуальная идентичность, она стала более комплексной, что усложняет принятие решений, выбор жизненной стратегии. Сложность порождает риски и опасности, повышает экзистенциальную неуверенность и тревогу.

Постмодернисты настаивают на том, что эта сложность является нормальным состоянием, а потому её нужно принять как факт, научиться жить в ней, извлекать уроки из ошибок, совершенствовать свой интеллект и волю, одним словом, приобретать качества нищенского человека. Сходный выход предлагают адепты цифровых технологий: отдать решение проблем, являющихся следствием сложности, на откуп искусственному интеллекту (ИИ). Его создание идет семимильными шагами, и уже нынешние его способности являются впечатляющими. При этом его разработчики, констатируя результативность ИИ, признают, что они не знают, как он это делает. Если ученый, добившийся успеха в решении задачи или проблемы, может детально воспроизвести всю последовательность совершаемых им действий, то есть доказать, что его успех не есть следствие везения или удачи, то в случае с ИИ мы имеем дело с «черным ящиком»: на входе в него загружаются необходимые данные, а на выходе получаем готовый результат. Что происходит внутри – неизвестно. Иными словами, ИИ обладает логикой, неизвестной человеку. Может быть *пока* не известной, но не исключено, что эта логика в принципе отличается от человеческой.

В ноябре 2023 года в Великобритании прошел международный саммит по безопасности искусственного интеллекта, в котором, наряду со специалистами, приняли участие высокие должностные лица 28 стран, активно участвующих в работах по созданию ИИ. Выступая на форуме, бизнесмен и политический деятель Илон Маск отметил, что существование искусственного интеллекта влечет «экзистенциальный риск», с которым столкнулось человечество: «Есть некоторая вероятность, выше нуля, что ИИ убьет нас всех», – полагает он [12].

Сложность современного мира, которую нельзя «упростить» иначе, как с использованием ИИ, постулируется как неизбежность. Но так ли это? Если она создана человеком, то почему он не может её контролировать? Может быть подлинной причиной сложности является «ненасытность» человека, его одержимость потреблением? Не может ли решением стать осознанное ограничение развития? Ведь причиной сложности, среди прочего, является избыточность, наличие того, что не является необходимостью. Буддизм, как известно, видит источник страданий человека в том, что тот желает большего, чем в состоянии достичь, и когда не получает этого, испытывает дискомфорт. В упрощенном изложении выводом такого подхода является рекомендация: «Минимизируй желания, живи по принципу «иметь что-то и не хотеть этого – одно и то же». На благополучном Западе набирает популярность дауншифтинг – сознательное упрощение образа жизни на основе пересмотра ценностей, смене приоритетов с материальных на духовные. Его называют философией «замедления» или упрощения. Он не означает отказа от благ цивилизации, но предполагает их ревизию и переоценку.

В проблеме сложности есть еще один аспект, существо которого можно понять, обратившись к истории непростых взаимоотношений науки и церкви. История средних веков в популярном изложении включает в себя главу о том, как христианская церковь расправля-

лась с теми учеными, которые дерзнули усомниться в истинности описания мира и человека, представленной в Священном Писании. Хрестоматийным примером является аутодафе Джордано Бруно и домашнее заключение Галилео Галилея. Однако у этой страницы в истории есть и другое прочтение: подлинной целью Церкви в этом вопросе было не допустить роста знаний о мире, который опережал бы «взросление» человека. Эти процессы должны, по мнению её иерархов, идти синхронно, в противном случае «средний» человек окажется не готовым и не способным распорядиться во благо себе знаниями, которые добывают ученые. Об этом говорится в мифе о Прометее, который пострадал за то, что дал людям знания и умения, которые, по убеждению Зевса, их недостойны. Это же имел в виду один из основателей Римского клуба Аурелио Печчеи. В книге «Человеческие качества» [15], размышляя о природе глобальных проблем, он приходит к выводу, что человек далеко не всегда оказывается равным миру, который он же и сотворил.

Один из адептов новой сложности писатель и футуролог Кевин Келли в книге «Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее», убеждает читателей в том, что технологический прогресс имеет свою логику, которая неподвластна человеческой воле: «Всем технологиям присуща внутренняя обусловленность, которая предполагает их развитие в конкретном направлении, а не в каком-либо другом. При прочих равных условиях законы математики и физики, определяющие динамику развития технологий, склонны опираться на определенные механизмы поведения. Эти тенденции существуют в основном в формате совокупных сил, которые определяют общие контуры технологических форм, но не управляют отдельными единицами или частностями» [7, с. 10]. Келли убежден, что запретительные меры против отдельных технологий бессмысленны, и предлагает подход, в основе которого лежит понимание того, как эти технологии устроены, и как лучше всего их использовать. Однако проблема в том и состоит, что люди, в том числе и те, кто создает эти технологии, не всегда до конца понимают, как они работают, а значит не могут определить способы их оптимального применения. Но главное, что вызывает протест против такого подхода, – это утверждение о неизбежности, которое умаляет человека, заранее ставит его в рабское положение по отношению к машине. По сути, это означает, что усложнение мира ведет к упрощению человека.

Это обстоятельство, а также тот факт, что принципиальный отказ от поиска и установления устойчивых единств и целостностей, сделал человечество уязвимым перед глобальными проблемами, требующими согласованных решений и действий, и лишил индивидов ориентиров для экзистенциального выбора, что стало причиной утраты интереса к постмодернизму. Актуальной задачей объявлена разработка конструктивной программы, ориентированной на поиск оснований единства в этом фрагментированном мире, и содержащей эпистемологические, логические и лингвистические ресурсы для её реализации.

Метамодернистский проект современности

Среди предложенных на замену постмодернизму теорий наибольшей популярностью пользуется концепция мета-модернизма, разработанная философами искусства из Нидерландов Тимотеусом Вермюлленом и Робинот ван ден Аккенот. Они объясняют выбор приставки «мета-» к термину «модерн», тем, что она отражает главную, по их мнению, черту современности – её промежуточный характер: «Онтологически метамодернизм колеблется между модерном и постмодерном. Как проявление компромисса он находится между современным энтузиазмом и постмодернистским настроением, между надеждой и меланхолией, между наивностью и знанием, сопереживанием и апатией, единством и множественностью, тотальностью и фрагментарностью, чистотой и двусмысленностью. Действительно, колеблясь туда-сюда или взад-вперед, метамодерн ведет переговоры между модерном и постмодерном. ... Таким образом, как метамодернистскую эпистемологию (как если бы), так и ее онтологию (между) следует рассматривать как динамику «и то, и другое – ни то, ни другое». Каждая из них одновременно является современной и постмодернистской и ни тем, ни другим [24]. Невнятность этой характеристики Вермюллен и ван ден Аккен попытались уточнить с помощью метафоры «метаксиса», которую заимствовали из платоновского «Пира». Его персонажи обсуждают качества Эрота, который в греческой культуре считался божеством любви, и приходят к выводу, что тот занимает срединное положение между бессмертными и смертными, и его уместнее всего относить к гениям. Предназначение последних – «Быть истолкователями и посредниками между (metaxy) людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью» [16, с. 112-113]. По мнению авторов нового концепта, нынешнее состояние, в котором оказалось человечество, характеризуется промежуточным, срединным состоянием между полюсами, крайностями модерна и постмодерна. Чтобы сохраниться в этих условиях, человек должен быть постоянно настороже, следить за происходящим, искать пути решения проблем, используя для этого все доступные ресурсы, стараясь быть ближе к центру. «Манифест метамодернизма» начинается с утверждения, что осцилляции являются естественным порядком вещей в мире, а любое движение должно осуществляться посредством колебания между позициями, с диаметрально противоположными идеями, «действующими подобно пульсирующим полярностям колоссальной электрической машины, приводящей мир в действие» [18].

Первые итоги обсуждения метамодернизма показали разброс трактовок и оценок, что не способствует его утверждению в качестве метатеории современности. Да и сами авторы признают завышенность первоначальных притязаний и уточняют, что их задачей было всего лишь предложить новый язык для описания структуры чувств, которая отражает культурную логику современной стадии глобального капитализма [3, с. 40]. Однако, за от-

сутствием других кандидатов, некоторые исследователи считают метамодернизм наиболее подходящим «-измом» на замещение исчерпавшего свои возможности постмодернизма [14, с. 3; 11, с. 94; 19, с. 10].

Обобщенным критическим аргументом в отношении постмодернизма было обвинение его в том, что он является сугубо негативным проектом, направленным на критику и деструкцию господствующего на протяжении последних трехсот лет типа рациональности. Результатом этого господства, по мнению теоретиков постмодерна, стало забвение и маргинализация всего, что этому типу не соответствует. Поэтому свою задачу они видели в апологии Различия и демонизации устойчивых форм единства и целостности. Однако этого недостаточно для того, чтобы быть цивилизационным проектом, каковым был модерн. Необходимо иметь позитивную программу, содержащую предложения по устройству совместной жизни людей, организации различия в какие-то конструктивные формы единства. Этого мы у постмодернизма не находим.

Постмодерн оставил после себя руины целого, которые могут использоваться в качестве временного прибежища, но для стабильной и полноценной жизни необходимо восстановление разрушенного и строительство нового. То, что предлагают метамодернисты, а именно, непрекращающееся метание между крайностями, постоянное напряжение, вызванное неопределенностью и необходимостью отслеживания опасностей и рисков, отсутствие отчетливых и понятных ориентиров, вряд ли может считаться подходящей заменой. Это видение мира глазами художника, отличающееся повышенной чувствительностью к нюансам и оттенкам, которым придается большее значение, чем общедоступным деталям. Позиционируя себя в качестве всеобъемлющего средства выражения, связанного со структурой чувств, отражающих логику современного общества, метамодернисты упускают из виду то, что подавляющая часть людей – не эстетствующие философы и художники, а обычные, «средние» люди. Для них мир – это вещи, явления и процессы, доступные с помощью стандартных видовых способностей, которыми их снабдила природа. Все, что «не от мира сего», воспринимается ими как необоснованное усложнение, приводящее к тому, что реальность оказывается непонятной и неподконтрольной человеку, источником непонятно откуда возникающих опасностей. Выход они видят в возвращении к нормальности в её традиционном, а не постмодернистском и метамодернистском понимании. Это нашло отражение в актуализации понятия «здравого смысла», которое, после долгого периода забвения, возвращается в проблемное поле философии и может, на наш взгляд, претендовать на роль концепта, указывающего направление преодоления сложности современного мира.

Возвращение «здравого смысла» как исследовательская стратегия

В философской литературе понятие «здравого смысла» чаще всего используется в его латинском написании – «*sensus communis*», – и интерпретируется преимущественно в эпи-

стемологическом измерении, то есть как способность суждения об основных и необходимых фактах повседневной жизни, основываясь только на врожденных сенсорных и когнитивных возможностях, без дополнительной рефлексии и аргументации. С точки зрения здравого смысла вещи являются такими, как они выглядят для любого здорового в медицинском смысле человека: «На этом свете всё просто. Потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий» (А. П. Чехов).

В качестве стартовой, базовой познавательной способности, с которой человек начинает осваивать мир, «здравый смысл» описан еще Аристотелем, но в римской философии он приобретает еще одно специализированное значение, а именно – «общее чувство», природная человеческая чувствительность к другим людям и к сообществу. Таким образом, здравый смысл представляет собой элементарное ментальное оснащение, присущее большинству людей и проявляющееся в сходном понимании реальности, в способности к конструктивному взаимодействию на основе врожденного чувства эмпатии. О. В. Артемьева полагает, что «*sensus communis*» используется для осмысления человеческого опыта по обустройству реального, непосредственно воспринимаемого мира и включает в себя не только приобретенные в ходе этого опыта знания, но и способы и формы совместного существования [2].

Обращение к «здравому смыслу» можно рассматривать как шаг, направленный на поиск стабильности, определенности, того, что разделяется всеми людьми, независимо от их естественных и культурных особенностей. Это движение к истокам, тому пункту, где общее перевешивает различие, где цели людей естественны, просты и понятны:

Нужды бы не знать и сберечь без бед

Достаток скромный, покой душевный [20, 390].

Здравый смысл обращает внимание на то, что жизненно важные чувства, которые проявляет человек в общении с миром и с себе подобными, являются общими, одинаковыми для всех: боль, удовольствие, страдание, фобии, представления о хорошем и плохом разделяют все люди, точно так же, как они разделяют истину, что дважды два – четыре. Поэтому, общаясь с другими людьми, нужно использовать понятные им слова, жесты, манеры. Эта понятность проистекает из естественности, которая, в свою очередь, соответствует критерию простоты. Цицерон в трактате «Об ораторском искусстве» писал, что, выступая перед толпой нужно говорить на её языке: «нет порока больше, чем уклонение от обыкновенного склада речи и от общепринятых понятий» [10, с. 112-113]. Здравый смысл ассоциируется с признанием общности между людьми, с уважением к человеческой природе, хорошим воспитанием и утонченными манерами. Об этом он пишет Марк Аврелий в своих «Размышлениях», перечисляя, какие достоинства он заимствовал у своего отца. В обобщенном виде они сводятся к здравомыслию, понимаемому как приоритет общей пользы, умеренность, открытость, следование традициям, уважение к людям, скромность [9]. Джамбаттиста Вико видел в «здравом смысле» основу для создания системы международного права: «Воля человеческая, по своей

природе в высшей степени недостоверная, удостоверяется и определяется Здравым Смыслом людей в том, что относится к человеческой необходимости или пользе: таковы два источника Естественного Права Народов» [4, с. 76].

Здравый смысл скептически относится к универсальным истинам и общему знанию из-за их отдаленности от жизни, тогда как переживание последней является для человека постоянным и повседневным фактом. Поэтому он стремится сократить и спрямить путь, который ведет от мысли к действию, и лучшим руководителем для этого является здравый смысл, сочетающий в себе ясность и простоту в понимании реального мира, с четким ориентиром, которым выступает общая польза.

Для здравого смысла характерно:

- доверие к непосредственно воспринимаемому, очевидному, и подозрительное отношение к голословным суждениям;
- осторожность, избегание рисков, предпочтение «синицы в руках журавлю в небе»;
- консерватизм в отношении к нововведениям, если они не продиктованы жизненной необходимостью;
- чувствительность к попыткам обмана, понимание того, что тебя пытаются обмануть;
- понимание того, что привлекательность внешности (формы) еще не гарантирует качества содержания;
- соразмерность между желаниями и возможностями;
- неприятие антропоцентризма, стремление к выстраиванию гармоничных отношений с окружающей средой;
- сознание человеческой конечности, вера в существование надчеловеческой инстанции.

Во взаимоотношениях между людьми выражением здравого смысла считается «золотое правило» нравственности: поступай по отношению к другим так, как ты хочешь, чтобы они поступали по отношению к тебе. Французский антрополог Моисей Мосс, в «Очерке о даре» [13, с. 134-285] описывает практику взаимного обмена подарками, распространенную у народов, ведущих традиционный образ жизни, и утверждает, что этот обмен основывается на врожденном большинству людей чувстве обязанности по отношению к тем, от кого получил в дар вещь, услугу или помощь.

Здравый смысл особенно хорош как руководитель по обустройству совместной жизни людей и решению возникающих при этом трудностей, поскольку опирается на обобщенный удачный индивидуальный и коллективный опыт. Аристотель приписывал эту функцию «фронезису», который определял как практическую рациональность, способность находить правильное решение именно для данной конкретной ситуации, в отличие от теоретической рациональности, представленной наукой и ориентированной на поиск универсальных ответов.

Заключение

Здравый смысл – это то, в чем нуждается современная политика, хозяйственная жизнь, межчеловеческие отношения и культура, находящиеся в плену умозрительных конструкций, которые, перефразируя модного сегодня писателя Виктора Пелевина, представляют собой индивидуальные и групповые программы выживания, авторы которых пытаются обхитрить друг друга. Необходимость возвращения концепта «здравого смысла» в современную социальную науку и практику диктуется стремлением «... сделать науку значимой в плане результатов и сделать значимой (понимаемой) для людей» [1, с. 73]. То, что называют «правым поворотом» в политике государств, гордящихся своим либеральным прошлым, на самом деле является возвращением к здравому смыслу как опорной точке в трясине эмерджентной неопределенности. Это возвращение можно уподобить перезагрузке, после которой произойдет реанимация нормальности, то есть состояния, когда значение будет придаваться цветам, а не оттенкам, когда слова будут приближены к делам, когда граница между добродетелью и пороком станет отчетливо видной, признаваемой и одобряемой большинством здравомыслящих людей. Иными словами – это отрезвление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артамонова, Ю. Д. Возвращение «sensus communis» в современные стратегии социогуманитарных исследований / Ю. Д. Артамонова // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 73-82.
2. Артемьева, О. В. «Sensus communis» в опыте человеческих отношений. URL : https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/03_03_2016/communis-sensus.pdf
3. Ван ден Аккен, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после пост-модернизма. Пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова] / Р. Ван ден Аккен. М. : РИПОЛ классик, 2020. 342 с.
4. Вико Джамбаттиста Основания Новой науки : Пер. с итал. / Вико Джамбаттиста. М.-К. : «REFL-book» – «ИСА», 1994. 656 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3 / Г. В. Ф. Гегель. М. : Мысль, 1972. 373 с.
6. Деланда, М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. пер. с англ. К. С. Майоровой / М. Деланда. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 170 с.
7. Келли Кевин. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. Пер. с англ. / Кевин. Келли. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 460 с.
8. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство. В: Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. / К. Н. Леонтьев. СПб. : Наука, 1991. 363 с.
9. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. Кн. I, 16.
10. Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Под редакцией М. Л. Гаспарова. Москва, Издательство «Наука», 1972. 471 с.

11. Маркова, А. С. Метамодернизм : преодоление дискретности и индивидуализма / А. С. Маркова, Г. И. Мамукина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 89-98.
12. Маск оценил риски, что искусственный интеллект убьет человечество. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6542c4769a79478f1d339afb> (дата обращения: 16.01. 2025).
13. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. М. : КДУ, 2011. 416 с.
14. Павлов, А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм / А. Павлов // Логос. 2018. № 6. С. 1-19.
15. Печчеи, А. Человеческие качества. Пер. с англ. / А. Печчеи. М. : Прогресс, 1985. 313 с.
16. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М. : Мысль, 1993. 528 с.
17. Талейб, Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. М. : Колибри, 2009. 528 с.
18. Тернер, Люк. Манифест метамодерниста. URL : <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 05.01.2025).
19. Хлыщева, Е. В. Метамодерн как новое мировидение: синтез массового и элитарного / Е. В. Хлыщева // Вопросы элитологии. 2021. № 2. С. 10-21. Doi: <https://doi.org/10.46539/elit.v2i2.60>
20. Эсхил. Агамемнон. Пер. С. Апта. Фр. 390.
21. Cartwright, Nancy. The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science. Cambridge University Press, 2008. 247 p.
22. DeLanda, Manuel. Philosophy and simulation: the emergence of synthetic reason. – Continuum International Publishing Group. London – New York, 2011. 221 p.
23. Johnson, Steven. Emergence: The Connected Lives of Ants, Brains, Cities. – New York, Scribner, 2001. 288 p.
24. Timotheus Vermeulen & Robin van den Akker (2010) Notes on metamodernism, Journal of Aesthetics & Culture, 2:1, 5677, DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677. URL: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677> (дата обращения: 14.04. 2024).

REFERENCES

1. Artamonova, Ju. D. Vozvrashhenie «sensus communis» v sovremennye strategii sociogumanitarnykh issledovaniy // Dialog so vremenem. 2020. № 71. S. 73-82 (in Russ).
2. Artem'eva, O. V. «Sensus communis» v opyte chelovecheskih otnoshenij. URL : https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/03_03_2016/communis-sensus.pdf (in Russ).

3. Van den Akken, R. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Per. s angl. V. M. Lipki; vstupit. st. A. V. Pavlova]. M. : RIPOL klassik, 2020. 342 s. (in Russ).
4. Viko Dzhambattista *Osnovaniya Novoj nauki*: Per. s ital. M.-K.: «REFL-book» – «ISA», 1994. 656 s. (in Russ).
5. Gegel', G. V. F. *Nauka logiki*. T. 3. M. : Mysl', 1972. 373 s. (in Russ).
6. Delanda, M. *Novaya filosofiya obshhestva. Teoriya assambljazhej i social'naja slozhnost'*. per. s angl. K. S. Majorovoj. Perm': Gile Press, 2018. 170 s. (in Russ).
7. Kelli Kevin *Neizbezhno. 12 tehnologicheskikh trendov, kotorye opredel'jajut nashe budushhee*. Per. s angl. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 460 s. (in Russ).
8. Leont'ev, K. N. *Vizantizm i slavjanstvo*. V: *Rossija glazami russkogo*: Chaadaev, Leont'ev, Solov'ev. SPb : Nauka, 1991. 363 s. (in Russ).
9. Mark Avrelij Naedine s soboj. *Razmyshlenija*. Kn. I., 16. (in Russ).
10. Mark Tullij Ciceron *Tri traktata ob oratorskom iskusstve*. Pod redakciej M. L. Gasparova. Moskva, Izdatel'stvo «Nauka», 1972. 471 s. (in Russ).
11. Markova, A. S. *Metamodernizm : preodolenie diskretnosti i individualizma* / A. S. Markova, G. I. Mamukina // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija: *Russkaja filologija*. 2019. № 1. S. 89-98. (in Russ).
12. *Mask otsenil riski, chto iskusstvennyy intellekt ub'et chelovechestvo*. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6542c4769a79478f1d339afb> (data obrashcheniya: 16.01. 2025).
13. Moss, M. *Obshhestva. Obmen. Lichnost'*. *Trudy po social'noj antropologii* / Sost., per. s fп., predislovie, vstupit, stat'ja, kommentarii A. B. Gofmana. M. : KDU, 2011. 416 s. (in Russ).
14. Pavlov, A. *Obrazy sovremennosti v XXI veke : metamodernizm* // *Logos*, 2018. № 6. S. 1-19. (in Russ).
15. Pechchei, A. *Chelovecheskie kachestva*. Per. s angl. M.: Progress, 1985. 313 s. (in Russ).
16. Platon *Sobranie sochinenij v 4-h tomah*. T. 2. M. : Mysl', 1993. 528 s. (in Russ).
17. Taleb, N. N. *Chjornyj lebed'*. *Pod znakom nepredskazuemosti* / per. s angl. V. Son'kina, A. Berdicevskogo, M. Kostionovoj, O. Popova; pod red. M. Tjun'kinov. M. : Kolibri, 2009. 528 s. (in Russ).
18. Turner, Ljuk. *Manifest metamodernista*. URL : <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (data obrashhenija 05.01.2025). (in Russ).
19. Hlyshheva, E. V. *Metamodern kak novoe mirovidenie: sintez massovogo i jelitarnogo* // *Voprosy jelitologii*. 2021. № 2. S. 10-21. Doi: <https://doi.org/10.46539/elit.v2i2.60> (in Russ).
20. Jeshil. *Agamemnon*. Per. S. Apta. Fr. 390 (in Russ).
21. Cartwright, Nancy. *The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge University Press, 2008. 247 p.

22. DeLanda, Manuel. Philosophy and simulation: the emergence of synthetic reason. – Continuum International Publishing Group. London – New York, 2011. 221 p.
23. Johnson, Steven. Emergence : The Connected Lives of Ants, Brains, Cities. – New York, Scribner, 2001. 288 p.
24. Timotheus Vermeulen & Robin van den Akker (2010) Notes on metamodernism, Journal of Aesthetics & Culture, 2:1, 5677, DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677. URL : <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677> (data obrashcheniya: 14.04. 2024).

Информация об авторе

Сергей Георгиевич Чукин, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, ул. 1-я Красноармейская, 1, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, chukin_serгей@hotmail.com, ORCID 0000-0002-1033-8182, SPIN-код: 6613-9427, AuthorID: 475304

Information about the Author

Sergey G. Chukin, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Baltic State Technical University “Voenmeh” named after D.F. Ustinov, 1st Krasnoarmeyskaya St., 1, 190005, Saint Petersburg, Russian Federation, chukin_serгей@hotmail.com, ORCID 0000-0002-1033-8182, SPIN-cod: 6613-9427, AuthorID: 475304.

Для цитирования: Чукин С. Г. Поиски очередного «-изма»: к вопросу о философской идентификации современной эпохи // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 7-24. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf.

УДК 297+321.7

ИСЛАМ И ДЕМОКРАТИЯ: ПРОБЛЕМА СОВМЕСТИМОСТИ

Мухтар Яхьяевич Яхьяев

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. Введение. В статье на основе критического анализа разброса мнений о совместимости демократии с исламом, особенностей исламского понимания государственно-политической организации жизнедеятельности мусульманской уммы, рассмотрения современного опыта реформирования отдельных исламских государств выводится значимость осуществления в них демократических преобразований, которые, во-первых, должны соответствовать фундаментальным установлениям ислама, его идейно-политическим ценностям, во-вторых, учитывать особенности их истории, культуры, политических традиций.

Методы. Сравнительный анализ взаимодействия демократии с исламом позволяет обнаружить не только тенденции общеполитического характера в ряде социумов, но и зафиксировать закономерности социально-политических процессов, а историко-культурологический подход дает возможность прогнозировать будущее социальных систем, где доминируют исламские ценности.

Дискуссия. В исследовании освещаются неоднозначные последствия проводимых в мусульманских странах демократических реформ путем копирования институтов либеральной демократии, показавших свою эффективность в странах Запада и представляемых в качестве универсальных демократических ценностей, необходимых к утверждению всеми странами и народами мира.

Выводы. В статье устанавливается, что причиной противоречивости реализуемых в исламских странах демократических преобразований является, в том числе, и отсутствие адекватного понимания сущности исламской демократии, коррелирующей с исламскими ценностями, из чего выводится назревшая необходимость объединения усилий исламских интеллектуалов по разработке политической теории исламской демократии.

Ключевые слова: ислам, власть, форма правления, политический режим, идеология, демократия, либерализм, исламская демократия.

UDC 297+321.7

ISLAM AND DEMOCRACY: THE PROBLEM OF COMPATIBILITY

Mukhtar Ya. Yakhyaev

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. Introduction. The article, based on a critical analysis of the range of opinions on the compatibility of democracy with Islam, the peculiarities of the Islamic understanding of the state-political organization of the life of the Muslim Ummah, and consideration of the modern experience of reforming individual Islamic states, identifies the importance of implementing democratic reforms in them, which, firstly, must correspond to the fundamental principles of Islam, its ideological and political values, and secondly, take into account the peculiarities of their history, culture, and political traditions.

Methods. A comparative analysis of the interaction of democracy with Islam allows us to discover not only general political trends in a number of societies, but also to record the patterns of socio-political processes, and the historical and cultural approach makes it possible to predict the future of social systems where Islamic values dominate.

Discussion. The study highlights the ambiguous consequences of democratic reforms carried out in Muslim countries by copying the institutions of liberal democracy that have proven effective in Western countries and are presented as universal democratic values that need to be adopted by all countries and peoples of the world.

Conclusions. The article establishes that the reason for the contradictory nature of democratic reforms implemented in Islamic countries is, among other things, the lack of an adequate understanding of the essence of Islamic democracy, which correlates with Islamic values, from which the urgent need for the unification of efforts of Islamic intellectuals to develop a political theory of Islamic democracy is derived.

Keywords: Islam, power, form of government, political regime, ideology, democracy, liberalism, Islamic democracy.

Введение

Проблема совместимости демократии с исламом, признание за ним потенциала демократического развития в последние десятилетия превратилось в главный камень преткновения политического исламоведения, в «проклятый вопрос» исламского пробуждения [4]. Развернувшийся среди западных и исламских интеллектуалов, религиозных и политических деятелей дискурс на тему возможности демократии в исламском государстве выявил ряд противоположных подходов и альтернативных решений.

Западные аналитики, начиная от апологетов европейского колониализма прошлых столетий и заканчивая современными защитниками идеологических ценностей либерализма, настойчиво навязывают всему миру мысль о принципиальной невозможности демократического обустройства жизни страны с преобладающим мусульманским населением [7]. И такая сомнительная позиция аргументируется идеологами неоколониализма как традиционным для них искаженным пониманием природы исламской религии, так и изображением всех мусульман злыми дикарями, которым присущи лишь природная склонность к агрессии и насилию, враждебное отношение ко всему не исламскому, для которых права и свободы отдельной личности, если и существуют, то могут вести лишь к анархии и социальному хаосу. Говоря о изначальной неспособности народов Востока к самоуправлению, их неверии в возможность ограничения власти, подобные аналитики характерными для них считают исключительно авторитарные, тоталитарные, деспотические и прочие антидемократические политические режимы и формы правления [9; 17].

Отдельные интеллектуалы, исходящие из антидемократического характера ислама, все же признают наличие у мусульманской религии потенциала, который может позволить ей развиваться в демократическом направлении, но, при этом, допускают абсолютно неприемлемые для мусульманской уммы оговорки. Условием возможности демократического развития исламских государств они полагают пересмотр ряда основополагающих установлений ислама, прежде всего, отказ от социальных аспектов шариата как главного препятствия утверждения демократии [5].

Демократическая форма правления как изначально чужеродный исламу политический феномен представляется не только апологетами неолиберализма, но и отдельными исламскими авторитетами, которые принципиальную несовместимость демократии с исламом выводят из вредности ценностей либеральной демократии не только для мусульманской уммы, но и для перспектив дальнейшего существования и развития всей современной цивилизации [21].

И тем не менее, среди мусульманских интеллектуалов доминирует подход, обосновывающий отсутствие сущностного антагонизма между исламом и демократией. Они вскрывают то, что аргументация идеологов либеральной демократии о несовместимости демократии с исламом выстраивается на непонимании ими подлинной природы исламской религии, их лукавом нежелании признавать очевидное, а именно то, что демократические ценности не только не чужды исламской политической культуре, но лежат в ее основаниях [10]. Немало и таких аналитиков, которые конечной целью апологетов неолиберализма считают навязывание мусульманам, и не только им, абсолютно ложного представления о западной модели либеральной демократии как единственно возможной и универсальной формы политического правления [15].

Методы

Прояснение того, кто прав, а кто нет в этом дискурсе предполагает решение вопроса о том, чем же по своей глубинной сущности является демократия как форма правления и политический режим, а также установление реальной возможности теории и практики исламской демократии. Для этого опираясь на историко-культурологический подход спрогнозируем возможность развития обществ, опирающихся на исламские ценности. А сравнительный анализ политических систем, форм управления различных государств, где имеется современная практика взаимодействия демократии с исламом, позволяет по-новому взглянуть на демократию как форму правления и понять закономерности развития современных обществ.

Дискуссия

Истоки демократии как формы правления обнаруживаются в политической практике Древней Эллады начала V века до н. э., когда в античном мире и стали формироваться первые государственно-политические организации, стремящиеся привлечь свободных граждан полиса-государства к участию в принятии судьбоносных для всех решений и их практической реализации. Последующий тысячелетний опыт демократического развития самых разных стран и регионов показал реальное многообразие типов, моделей, форм и вариантов демократического правления. Еще больше моделей и версий демократии заявили о себе и существуют сегодня исключительно в виде духовно-теоретических конструктов. Перечень всевозможных форм демократии включает в себя несколько десятков разновидностей как западной демократии (буржуазная, социалистическая, либеральная, глобальная, космополитическая, ограниченная, управляемая, фасадная, консорциальная и т.д.), так и «незападной» демократии (турецкая, индонезийская, сингапурская, индийская, японская и пр.).

В политологии демократия преимущественно представляется политической доктриной, выстраиваемой на основе признания за всеми людьми природной способности управлять социальными процессами. При этом, в большинстве современных политических теорий демократия определяется как форма правления или политический режим, осуществляемые не всем демосом-народом, а лишь отдельными его представителями. В них мало используется понятие «народ», которое замещается сочетанием «представители народа», что оказывается признанием неосуществимости «правления всего народа» и констатацией реальной возможности лишь «правления представителей», избираемых большинством народа. Легитимность демократического правления обеспечивается транспарентными выборами в органы власти, осуществляемыми на регулярной основе, когда в процессе конкурентной политической борьбы наиболее достойные граждане и их объединения получают право представлять во власти своих избирателей. Содержание демократии сводится к процедуре институционализации политических решений, предполагающей наличие государственной власти [14; 20]. Все эти и иные сущностные характеристики демократии, в большинстве своем являющиеся

индикаторами либеральной модели правления, и представляются идеологами неолиберализма в качестве универсальных, пригодных для всех стран и народов демократических ценностей. Одновременно ими настойчиво проводится мысль об антидемократическом характере ислама и принципиальной невозможности реализации этих ценностей в исламском государстве.

И действительно, либеральная модель демократического правления, при всей ее эффективности в странах коллективного Запада, не может стать основой демократического развития мусульманских стран по причине того, что ряд идейно-политических ценностей либерализма не могут быть утверждены в стране, где большинство населения являются мусульманами. Прежде все это относится к светскости как идеологическому принципу и секуляризму как образу жизни западного, раскрепощенного в религиозном отношении человека. Но являются ли эти ценности либерализма сущностными инвариантами демократии? Исследователи, обобщающие исторический и современный опыт демократического развития разных стран, в том числе и западных, указывают на неправомерность представления светскости и секуляризма необходимыми чертами демократии как формы правления или режима осуществления власти [3; 11]. Недопустимость сведения демократии к светскости и секуляризму, являющимися исключительными ценностями либеральной идеологии, делает очевидным возможность развития незападных стран в демократическом направлении на основе собственных идеологических ценностей.

На неоднозначные последствия попыток утверждения в исламских государствах демократического правления в его либеральном исполнении обращают внимание многие исследователи, в частности Д. С. Крылов и В. Д. Останин-Головня. Как пишут эти авторы, формально создаваемые в мусульманских странах по демократическим принципам совещательные органы, в реальности оказываются лишь подобием западных парламентов, которые сохраняют «не столько приверженность партийной системе (если таковая существовала), сколько трайбализму и исторически сформированной структуре распределения власти между различными кланами в государстве» [2, с. 295]. Только вот происходит это вовсе не по причине несовместимости демократии с исламом, а будучи следствием попыток некритического копирования образцов либеральной демократии, не считающегося с исламской идентичностью населения страны, ее культурно-исторической спецификой, требующей демократизации в соответствии с исламскими идейно-политическими приоритетами.

Однако исламская модель демократического развития возможна только и, если только она будет соответствовать основам вероучения и исходить из коранических положений о праве мусульман применять божественные законы. Сущностные особенности исламской демократии выводятся из того, что мусульманская умма может и должна свободно править, но при одном неперемennom условии, она не вправе запрещать установленное Аллахом или разрешать запрещенное Им. Иначе говоря, исходным инвариантом исламской модели демокра-

тии оказывается то, что все законы, нормы, решения, принимаемые народом-уммой или избранными должностными лицами, с необходимостью должны соответствовать установлениям шариата.

От принятия решений, противоречащих исламу и ввергающих мусульман в грех веротступничества, предохраняет строгое следование основополагающему принципу исламской демократии – «шуре», глубинная сущность которого заключается в принятии решений путем обсуждения, согласования и учета мнений мусульман. Уже одно это ограничение, накладываемое Кораном и Сунной на законотворческую деятельность в мусульманском государстве, обеспечивает необходимое соответствие его нормативно-правовой базы требованиям шариата. Оно не позволяет нормам и правилам, противоречащим исламу, приобретать форму законов, санкционируемых государством. Здесь значимо и понимание того, что власть одного лица в исламском государстве (халифа, султана, короля) не имеет сакрального характера, так как мусульманский правитель не является земным подобием Творца, а всего лишь первым среди равных.

Содержание исламской демократии не сводится к одной лишь «шуре», которая образует системное политическое качество лишь в неразрывном единстве со множеством других принципов демократического правления, среди которых «иждмаа» (единогласное решение ученых), «масляха» (учет общих интересов), «иджтихад» (выводы на основе текстов Корана и Сунны) и пр. Все эти и подобные им устои мусульманской государственности, которые требуют решения значимых для всей уммы вопросов демократическим путем, и предстают убедительным доказательством совместимости демократии с исламом. Они же показывают и предпочтительность демократической формы правления в мусульманской стране.

Как пишет З. И. Рожкова, в последние десятилетия прошлого столетия «демократические режимы установились во многих странах Азии, Африки и Южной Америки. Это произошло позднее, чем в большинстве европейских стран, но надо помнить, что даже США и Швейцария официально стали демократическими государствами лишь в 1970-е гг., после отмены расовой дискриминации и принятия закона о равноправии женщин» [8, с. 86]. Большинство государств мусульманского мира, в том числе и монархические, в своих Основных законах провозгласили именно демократию формой правления, что является свидетельством того, что исламский мир не только признает демократию формой власти, коррелируемой с исламом, но и осуществляет конкретные демократические преобразование в практике государственного строительства. И происходит это несмотря на то, что либерально ориентированные аналитики по всему миру не устают повторять, что в исламских государствах могут существовать лишь авторитарные или деспотические режимы и поэтому в мусульманском мире «даже отдельные проявления реального демократического правления в обозримом будущем мало вероятны» [3, с. 101].

Убедительным аргументом в пользу возможности и значимости демократии предстает богатая историческая и современная практика государственного обустройства мусульманских стран, накопленный ими, хотя и противоречивый, опыт демократического развития. Наиболее успешным многие аналитики называют индонезийский опыт демократического развития, благодаря которому Индонезию многие называют третьей демократией мира (после Индии и США) [12, р. 1]. Даже экс-президент США Дж. Картер заявлял о том, что «Индонезия опровергает утверждения о неприменимости демократической модели для государств, где проживают приверженцы ислама. Все это дает основание говорить о гармоническом сочетании ислама и демократии в Индонезии» [Цит. по: 1, с. 221].

И действительно, в Индонезии уже много лет на демократической основе регулярно проводятся прямые, свободные и всеобщие выборы президента и высших органов государственной власти, функционирует многопартийная система, реализуется курс на формирование гражданского общества. Идеологи индонезийской демократии главными своими достижениями считают обеспечение прав и свобод человека, равноправие мужчин и женщин, веротерпимость, отмену в идентификационной карте граждан пункта о религиозной принадлежности и т. п. Многие из этих особенностей индонезийской модели демократии свидетельствуют об интерпретации ими ислама в либеральном духе, базирующейся на отвержении буквального истолкования вероучительных источников ислама. Индонезийские сторонники либерального ислама исходят из того, что «следует строить демократическую систему индонезийского образца с использованием исламских установлений, истолкованных в духе либерального ислама, очищенного от воздействия арабской культурно-религиозной традиции и приведенного в соответствие с индонезийской самобытностью» [18]. Но именно такое истолкование ислама становится основанием для других индонезийских деятелей, в частности, исламистов говорить о явных симпатиях действующей власти к западным моделям демократии, их стремлении экспортировать в страну либеральную демократию, отвергающую исламскую идентичность индонезийского общества, его национально-культурную специфику.

Тем не менее, индонезийская модель демократического развития, которая хотя и выстраивается преимущественно по образцам западной либеральной демократии, придает важное значение как исламским, так и традиционным для индонезийцев азиатским идеологическим ценностям. И поэтому «...индонезийская версия демократии не только опровергает миф о том, что ислам и демократия несовместимы, но и демонстрирует, как исламом можно управлять и поддерживать в современном национальном государстве» [16].

Не менее убедительным примером развития мусульманской страны в демократическом направлении предстает и Турция, где правящей Партией справедливости и развития, ее Президентом Реждепом Тайипом Эрдоганом с 2016 года осуществляется конституционная реформа, нацеленная на демократическую модернизацию политической системы страны с учетом современных вызовов, сохранение исламской идентичности населения страны. Демо-

кратический инструментарий применяется турецкими демоисламистами в политической практике как для укрепления правящего режима, так и в целях расширения социальной базы действующей власти. Идеологи турецкой демократии последовательно заявляют о том, что во всех процессах демократизации ислам остается источником действующей системы политической власти, определяющим политическое поведение и ценности человека. Более того, они доказывают и то, что ислам не отвергает, а предполагает секуляризм, представляемый ими «неотъемлемым условием демократии и гарантией свободы религии и совести», а светскость в программных документах Партии справедливости и развития определяется как «институциональный подход и метод, гарантирующий, что государство остается нейтральным и равноудаленным ко всем религиям и идеям» [13, pp. 1201, 1200]. По их убежденности, осуществляемые в стране процессы демократизации находятся в полном соответствии с установлениями ислама и способствуют рождению новой «постсекулярной» Турции, где светские принципы жизни обретают возможность гармонично уживаться с исламской политической практикой. И это одно предохраняет турецкое общество от угрозы тотальной клерикализации.

Противоречивые результаты демократического развития характерны и многим другим мусульманским странам, которые копируют у себя демократические институты западного образца. Примером тому предстает Египет, который еще в конце XIX века учредил Палату депутатов, наделив ее правами законосовещательного органа, а с начала XX в. приступил к выстраиванию многопартийной политической системы. Неожиданным следствием попыток египетских реформаторов «экспортировать» и внедрить у себя отдельные институты западной демократии явилась ассоциация «Братья-мусульмане», которая со своей радикальной идеологией быстро легла в основу деятельности ряда исламистских группировок, усмотревших в демократических процедурах эффективное средство прихода к власти.

Другим ярким примером неоднозначности попыток «экспорта» образцов западной демократии является Пакистан, где еще Конституцией 1973 г. ислам был провозглашен государственной религией и в 227-й статье закреплено положение о том, что все законы страны – как будущие, так и действующие непременно должны соответствовать предписаниям ислама [См.: 6, с. 42]. Однако демократизация по-пакистански, инициированная правящей верхушкой и затронувшая самые различные сферы общественной жизни от политической до социальной, осуществлялась исключительно для укрепления режима личной власти. Правящая элита вводила то президентскую, то парламентскую форму правления, отменяла и восстанавливала независимую судебную систему, создавала из числа богословов, ученых и общественных деятелей Совет исламской идеологии, приостанавливала действие Конституции, отменяла выборы на партийной основе, объявляя их противоречащими исламу, а затем обратно вводила их и т.д. И все подобные шаги предпринимались ею в рамках официального курса на утверждение в стране исламской формы демократии – шурократии. «Правительство

Пакистана будет основываться на шурократии, это будет исламская система, исламская демократия, благословленная Богом» [19, p. 15].

Так же, как и Пакистан многие другие мусульманские страны, которые в последние десятилетия XX века решили демократизироваться по западным образцам сегодня переживают не только острый социально-экономический и политический кризис, но и рост активности радикального исламизма. К примеру, в Алжире только за последнее десятилетие прошлого столетия уровень жизни значительной части общества катастрофически снизился, а безработица, особенно среди молодежи, достигла угрожающих масштабов. Следствием системного кризиса алжирского общества, вызванного процессами демократизации по западным либеральным лекалам, стал не только рост социальной напряженности, но и возникновение и распространение радикальных исламистских движений. Так, в парламентских и муниципальных выборах, проведенных в 1990–1991 гг., за представителей только одного «Исламского фронта спасения» были отданы голоса почти 50 % избирателей, после чего потребовалось вмешательство армии в результаты выборов для предотвращения легитимного прихода радикальных исламистов к власти.

Подобные примеры демократизации жизни мусульманских стран, которых немало, приводили и приводят исключительно к «фасадной» форме демократии, являющейся лишь бледной калькой с либеральной демократии. Но они же свидетельствуют и о назревшей необходимости разработки политической теории демократии, целиком и полностью коррелирующей с исламской религией. Одним лишь стремлением либерализовать ислам путем привнесения в политическую жизнь мусульманской уммы ценностей и институтов западной демократии, при формальном объявлении ислама общенациональной ценностью или конституционном закреплении его статуса как государственной религии невозможно утвердить подлинно исламскую демократию. Попытки, предпринимаемые разными мусульманскими странами демократизироваться по западным либеральным лекалам и сопровождаемые исламской риторикой, оказываются не просто провальными. Чаще они ведут к укреплению правящего режима, зачастую имеющего антидемократический характер. Поэтому крайнюю актуальной для мусульманских интеллектуалов приобретает задача разработки собственно исламской политической теории демократии, которая как лакмусовая бумажка станет способной обнаруживать демократический или же антидемократический характер существующей власти и предпринимаемых ею реформаторских усилий.

Выводы

В заключение отметим, что ислам по своей природе нейтрален в отношении к политической форме правления, он не предписывает в качестве обязательной какую-либо конкретную форму правления, так как мусульманская умма изначально наделяется правом выбора формы или режима осуществления власти. Наиболее предпочтительной для мусульманских

стран в современных условиях глобализации предстает демократическое правление. Однако, накопленный мусульманскими странами исторический и современный опыт демократического развития показывает, что попытки демократизации путем копирования образцов западной модели либеральной демократии не приводят к желаемым результатам. Эффективный и устойчивый демократический режим осуществления власти в исламском государстве может сформироваться исключительно как результат реализации модели демократического правления, целиком и полностью коррелирующей с исламом, учитывающей не только исламскую идентичность населения страны, ни и ее культурно-историческую специфику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ефимова, Л. М. Демократия и ислам в общественной мысли современной Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2007. № 10. С. 213-230.
2. Крылов, Д. С., Останин-Головня, В. Д. Незападные модели демократии на Арабском Востоке: идейно-ценностный аспект // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 289-319.
3. Малашенко, А. В., Нисневич, Ю. А. О перспективах демократии в мусульманском мире // Мировая экономика и международные отношения. 2023, т. 67, № 8. С. 95-109.
4. Мухаметов, Р. Перспективы аль-демократии. Исламский мир ищет свою дверь в современность // Россия в глобальной политике. 2012, т. 10, № 6. С. 118-131.
5. Пайпс, Д. Демократический ислам? URL: <https://ru.danielpipes.org/5525/demokraticeskij-islam> (дата обращения: 07.02. 2025).
6. Попадюк, О. А. Эволюция конституционно-правовой системы Пакистана // Право и управление. XXI век. 2009. № 3 (12). С. 39-44.
7. Ренань, Э. История израильского народа. СПб. : Брокгаузъ-Ефронъ. 1912.
8. Рожкова, З. И. Демократия в исламских странах. Опыт Индонезии // Вестник московского университета. Сер. 12. Политические науки. М., 2017. № 6. С. 85-93.
9. Черницкий, А. Ислам и демократия. URL: <https://www.apn.ru/publications/article23727.htm> (дата обращения: 07.02. 2025).
10. Al-Jabiri, M. A. Democracy, Human Rights and Law in Islamic Thought. Beirut: I. B. Tauris, 2014.
11. Berger, P. The Desecularization of the World: A Global Overview. – Wash.: Ethics and Public Policy Center, 1999.
12. Giora Eliaz, «Islam and Polity in Indonesia: An Intriguing Case Study», Hudson Institute, Center on Islam, Democracy, and the Future of the Muslim World. Research Monographs on the Muslim World, Series No 1, Paper № 5, February 2007.
13. Grigoriadis, I. N. Islam and democratization in Turkey: Secularism and trust in a divided society // Democratization. – Cambridge, UK, 2009. – Vol. 16, № 6.

14. Huntington, S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman: University of Oklahoma Press), 1991.
15. Kedourie, E. *Democracy and Arab Political Culture*. Washington [Electronic resource] / E. Kedourie. Washington, 1992: <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/DemocracyandArabPoliticalCulture.pdf>. (дата обращения: 07.02. 2025).
16. Madinier, R. *Indonesia: A Delicate Balance Between Muslim Orthodoxy and Nationalism* // *Orient XXI*. 2023. April 28. URL.: <https://orientxxi.info/magazine/indonesia-a-delicate-balance-between-muslim-orthodoxy-and-nationalism,6416> (дата обращения: 07.02. 2025).
17. Sadowski, Y. *New Orientalism and the democracy debate – Political Islam*/Ed. by Bein in Y., Stork Y. – Berkeley etc., 1997.
18. Saidiman. *Optiisme Demokrasi ala Islam Indonesia*. Jaringan Islam Liberal/www.islamlib.com/id/index.php?page=article&id=781 (дата обращения: 07.02. 2025).
19. Sawhney, R. G. *Zia`s Pakistan*. New Delhi, 1985.
20. Schumpeter, J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. 2d. ed. (New York: Harper 1947).
21. Siddiqui, K. *Primary Goals and Achievements of the Islamic Revolution in Iran* [Electronic resource] / K. Siddiqui. <https://www.icit-digital.org/articles/primary-goals-and-achievements-of-theislamic-revolution-in-iran> (дата обращения: 07.02. 2025).

REFERENCES

1. Efimova L. M. *Demokratija i islam v obshhestvennoj mysli sovremennoj Indonezii* // *Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija*. 2007. № 10. S.
2. Krylov D. S., Ostanin-Golovnja V. D. *Nezapadnye modeli demokratii na Arabskom Vostoke: idejno-cennostnyj aspekt* // *Aktual'nye problemy Evropy*. 2023. № 1. S.
3. Malashenko A. V., Nisnevich Ju. A. *O perspektivah demokratii v musul'manskom mire* // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2023, tom 67, № 8. S.
4. Muhametov R. *Perspektivy al'-demokratii. Islamskij mir ishhet svoju dver' v sovremenost'* // *Rossija v global'noj politike*. 2012, t. 10, № 6. S.
5. Pajps D. *Demokraticeskij islam?* URL: <https://ru.danielpipes.org/5525/demokraticeskij-islam> (data obrashcheniya: 07.02. 2025).
6. Popadjuk O. A. *Jevoljucija konstitucionno-pravovoj sistemy Pakistana* // *Pravo i upravlenie*. XXI vek. 2009. № 3. S.
7. Renan# Je. *Istorija izrail'skago naroda*. – Spb.: Brokgauz#-Efron#. 1912.
8. Rozhkova Z. I. *Demokratija v islamskih stranah. Opyt Indonezii* // *Vestnik moskovskogo universiteta*. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2017. № 6. S.
9. Chernickij A. *Islam i demokratija* // <https://www.apn.ru/publications/article23727.htm> (data obrashcheniya: 07.02. 2025).
10. Al-Jabiri, M. A. *Democracy, Human Rights and Law in Islamic Thought*. Beirut: I. B. Tauris, 2014.

11. Berger, P. *The Desecularization of the World: A Global Overview*. Wash.: Ethics and Public Policy Center, 1999.
12. Giora Eliasz, «Islam and Polity in Indonesia: An Intriguing Case Study», Hudson Institute, Center on Islam, Democracy, and the Future of the Muslim World. *Research Monographs on the Muslim World, Series № 1, Paper No 5, February 2007*.
13. Grigoriadis, I. N. *Islam and democratization in Turkey: Secularism and trust in a divided society // Democratization*. Cambridge, UK, 2009. Vol. 16.
14. Huntington, S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman: University of Oklahoma Press), 1991.
15. Kedourie, E. *Democracy and Arab Political Culture*. Washington [Electronic resource] / E. Kedourie. Washington, 1992 // <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/DemocracyandArabPoliticalCulture.pdf> (data obrashcheniya: 07.02. 2025).
16. Madinier, R. *Indonesia: A Delicate Balance Between Muslim Orthodoxy and Nationalism // Orient XXI*. 2023. April 28. <https://orientxxi.info/magazine/indonesia-a-delicate-balance-between-muslim-orthodoxy-and-nationalism,6416> (data obrashcheniya: 07.02. 2025).
17. Sadowski, Y. *New Orientalism and the democracy debate – Political Islam / Ed. by Bein Y., Stork Y. Berkeley etc.*, 1997.
18. Saidiman. *Optiisme Demokrasi ala Islam Indoesia. Jaringan Islam Liberal/www.islamlib.com/id/index.php?page=article&id=781* (data obrashcheniya: 07.02. 2025).
19. Sawhney, R. G. *Zia`s Pakistan*. New Delhi, 1985.
20. Schumpeter, J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. 2d. ed. (New York: Harper 1947).
21. Siddiqui, K. *Primary Goals and Achievements of the Islamic Revolution in Iran [Electronic resource] / K. Siddiqui. – Mode of access: https://www.icit-digital.org/articles/primary-goals-and-achievements-of-theislamic-revolution-in-iran* (data obrashcheniya: 07.02. 2025).

Информация об авторе

Мухтар Яхьяевич Яхьяев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43А, mughtar59@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2243-7222, SPIN-код: 3834-8528, AuthorID: 174586

Information about the Author

Mukhtar Ya. Yakhyaev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Political Sciences, Dagestan State University, Makhachkala, M. Gadzhiev St., 43A, mughtar59@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2243-7222, SPIN-код: 3834-8528, AuthorID: 174586

Для цитирования: Яхьяев М. Я. Ислам и демократия: проблема совместимости // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 25-36. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf

УДК 353.1(574)

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В КАЗАХСТАНЕ

Шарип Абдрахманович Ишмухамедов

Университет Туран, Алматы, Казахстан

Аннотация. Введение. В статье раскрываются особенности трансформации политических институтов и процессов в современном Казахстане, особое внимание уделяется технологиям модернизации политической системы казахского общества, что актуально и значимо для практики и теории политических отношений современных государств. Ведется поиск оптимальных путей политического развития Казахстана в условиях глобализации, сложной международной обстановки, выявляется взаимозависимость внутренних и внешних факторов в строительстве демократического государства в Казахстане.

Методы. Опираясь на системный подход осмысления функционирования политической системы, удастся осуществить критический анализ функционирования органов государственной власти и общественных организаций, а использование компаративистского метода позволяет понять и раскрыть закономерности трансформаций современных политических институтов.

Анализ. Повествуется о взаимосвязи власти и народа, раскрываются общие позиции политического дисбаланса в казахском обществе и приводятся яркие примеры конкретных противоречий между структурами власти и различными социальными группами. Особое место в политических процессах отводится Президенту Касым-Жомарту Токаеву, который последовательно проводит политику укрепления доверия народа к власти посредством повышения ответственности должностных лиц и госорганов при исполнении своих должностных обязанностей.

Результаты. Выявлена объективная потребность в трансформации политических институтов в Казахстане, представлена аргументация о необходимости смены форм взаимосвязей между органами власти и институтами гражданского общества, определены возможные варианты совершенствования функционирования политической системы исследуемого общества.

Ключевые слова: политические институты, Казахстан, органы власти, общественные организации, президент, протесты, трансформация.

UDC 353.1(574)

MODERN FEATURES OF TRANSFORMATION OF POLITICAL INSTITUTIONS IN KAZAKHSTAN

Sharip A. Ishmukhamedov

University of Turan, Almaty, Kazakhstan

Abstract. Introduction. The article reveals the features of the transformation of political institutions and processes in modern Kazakhstan, special attention is paid to the technologies of modernization of the political system of Kazakh society, which is relevant and significant for the practice and theory of political relations of modern states. The search for optimal ways of political development of Kazakhstan in the context of globalization, a complex international situation is underway, the interdependence of internal and external factors in the construction of a democratic state in Kazakhstan is revealed.

Methods. Based on a systematic approach to understanding the functioning of the political system, it is possible to carry out a critical analysis of the functioning of government bodies and public organizations, and the use of the comparative method allows us to understand and reveal the patterns of transformation of modern political institutions.

Analysis. The article narrates about the relationship between power and the people, reveals the general positions of political imbalance in Kazakh society and provides vivid examples of specific contradictions between government structures and various social groups. A special place in political processes is given to President Kassym-Jomart Tokayev, who consistently pursues a policy of strengthening people's trust in the government by increasing the responsibility of officials and government agencies in the performance of their official duties.

Results. An objective need for the transformation of political institutions in Kazakhstan is identified, arguments are presented about the need to change the forms of relationships between government bodies and civil society institutions, possible options for improving the functioning of the political system of the studied society are identified.

Keywords: political institutions, Kazakhstan, authorities, public organizations, president, protests, transformation.

Введение

Задача построения демократического государства записана в конституции Казахстана. В истории Казахстана демократизация политического процесса имела разные этапы и ситуации. Недолгий период независимости имел события укрепления, так и периоды регресса демократизации общественно-политических институтов. Современный этап демократизации

показывает значительные перемены и достижения. Это связано с разными факторами и процессами внутри, так и вне Казахстана. Страна как часть мирового сообщества воспринимает главные процессы и требования глобализации, цифровизации, демократизации. Также Казахстан объективно воспринимает необходимость постоянной политической, экономической, социальной модернизации для соответствия требованиям современной мировой экономики. Из большого объема причин, влияющих на демократизацию политического процесса, трансформацию функций общественно-политических институтов, открытость работы чиновников, повышение отчетности работы правительства можно выделить наиболее важные. Кратко рассматривая наиболее важные факторы, влияющие на процесс трансформации политических институтов в Казахстане, можно их всех разделить на внутренние и внешние.

Методы

Для выявления особенностей трансформации политических институтов Казахстана использовался системный подход исследования функционирования политической системы, а отражение взаимосвязи государственных органов власти и институтов гражданского общества было сопряжено с использованием корпоративного метода, позволяющего увидеть прошлое и настоящее состояние практики политических отношений в Казахстане.

Анализ

В современном Казахстане имеются различные факторы и процессы свидетельствующие о необходимости модернизации политической системы, трансформации функций госорганов, политических институтов. С момента победы на досрочных выборах нынешнего президента страны К. Токаева в стране начались широкие обсуждения неотложности проведения реформ [4]. Глава государства в 2021 году выдвинул основные направления проведения реформ в стране. Они касались трансформации функций госорганов, политических, общественных организаций, повышения благосостояния населения, демократизации политической системы. Главным внутренним фактором трансформации функций общественных, политических институтов в современном Казахстане является масштабный процесс модернизации, начатый руководством страны. В свою очередь, необходимость проведения неотложной трансформации проявилась во время кровавых событий в январе 2022 года. Крупнейшие города, регионы Казахстана были охвачены массовыми выступлениями, демонстрациями населения с требованиями реформ в стране. Это привело к потере контроля над порядком в обществе, грабежам и попытке силового переворота власти в Казахстане. В результате власть, элита, общество осознали невозможность дальнейшего развития Казахстана без масштабных и кардинальных реформ и трансформации функций государственных органов. В ходе силового подавления беспорядков пострадало множество людей. В качестве виновников организации протестов, беспорядков были обвинены группы государственных служащих, влия-

тельные люди в Казахстане. Массовые демонстрации и требования протестующих подтвердили необходимость трансформации политических институтов, модернизации политической системы. В марте 2022 года президент К. Токаев выступил с общенациональной программой трансформации общественно-политической системы страны [5]. Было объявлено о создании «нового Казахстана», в противовес старой системы, которая привела к политическому кризису и гражданскому конфликту, охватившему почти весь Казахстан. Программа содержала множество проектов и планов политических, экономических, общественных, территориальных реформ. В результате последующего референдума в июне 2022 года были внесены поправки в конституцию, которые кардинальным образом трансформировали функции, содержание государственных органов управления, систему принятия решений в стране. Последующие решения президента показали, что обещания власти были реализованы и трансформация охватила многие важные политические, государственные, общественные институты значимые для стабильности и развития Казахстана. В числе наиболее важных изменений и решений была трансформация работы парламента и усиление его властной роли, вместе с ограничением единоличной власти президента. Произошло возвращение политической системы к парламентско-президентской форме правления, ранее упраздненной при первом президенте. Институт президентства также претерпел трансформацию. Президент К. Токаев посчитал необходимым нейтралитет института президентства и невозможность членства в какой-либо партии. Также трансформация коснулась вопроса усиления местных органов власти и процесса децентрализации. Впервые в современной истории Казахстана была введена выборность руководителей районов, сел и поселков. Таким образом, современный этап внутренней трансформации политических институтов, государственных органов в Казахстане характеризуется главенствующей ролью руководства страны. Несмотря на постоянные требования и запросы общества, оппозиции, общественных организаций на продолжение политической трансформации функций политических институтов, изменение работы госорганов, последнее решение остается за руководством, властью страны.

Современный этап трансформации политических, общественных институтов не ограничивается только внутренними процессами и запросами общества и власти. На процесс трансформации роли, функций, ответственности госорганов, политических институтов влияет также и внешняя среда, мировые общественные процессы, научно-технические достижения. Внешний фактор трансформации политических, государственных институтов является таким же влиятельным, как и внутренние факторы. Внешние факторы включают общемировые процессы как глобализация, унификация, вестернизация, которые неизбежно проявляются в Казахстане. Факты современной трансформации политических институтов показывают особенное влияние цифровизации, значительный рост влияния социальных сетей, блогеров, общественных организаций. Масштабные политические реформы в Казахстане, начавшиеся в 2022 году, также включали большое внимание к цифровым технологиям и социаль-

ным сетям. Президент страны выделил важное значение цифровых технологий, которые способны представить, проявить мнение граждан. По этому поводу президент Казахстана К. Токаев высказался прямо подтверждая, что в Казахстане созданы все условия для публичного выражения несогласия с действиями власти. Созданная политическая система, политические институты позволяют гражданам открыто говорить о существующих проблемах. Согласно цели построения «слышащего государства» глава страны требует от правительства, местных органов власти учитывать общественное мнение. «Благодаря социальным сетям проблемы... становятся известными всей стране. Надо создать единый легитимный институт онлайн-петиций для инициирования гражданами реформ и предложений» [1]. Результатом признания мировой тенденции цифровизации, высокой скорости распространения информации, потребности реагировать на позицию населения стал закон 2023 года «Об общественном контроле» [2]. Согласно закону, государственные органы обязаны провести совещание и дать официальный ответ на результаты петиции, если под ней подписались более пятидесяти тысяч граждан Казахстана. Согласно внедренным правилам, свободно создавать и участвовать в петициях могут только граждане страны. За время существования электронного портала появился большой список петиций, которые уже были реализованы, официально отклонены или продолжают сбор подписей. Наиболее резонансными и обсуждаемыми стали петиции против семейно-бытового насилия, запрещению ЛГБИ пропаганды, запрещению азартных игр для чиновников и другие. Однако наиболее обсуждаемой стала петиция «Народ Казахстана против утильсбора и первичной регистрации». Данная петиция ставила себе цель отменить дополнительные расходы, которые повышают стоимость нового автомобиля для граждан страны и снижают возможности населения покупать автомобиль по более низкой цене. Петицию инициировало и продвигало политическое объединение, которое активно действует в цифровой среде и социальных сетях. Несмотря на официальный отказ министра промышленности и строительства в положительном решении вопроса, эта ситуация показала способность общественных организаций, политических активистов поднимать любые вопросы через использование механизмов цифровизации, электронных сообщений, социальные сети [3]. Подобная практика широкого обсуждения существующих петиций, активность общественно-политических организаций трансформировали функции структур власти и потребовали от государственных органов выполнять свою работу под пристальным общественным контролем. Очевидным результатом становится не только свободное обсуждение серьезных проблем в цифровом пространстве, но и повышается политическое сознание и культура населения.

Результаты

Трансформация политических и общественных институтов в Казахстане происходит по внутренним и внешним причинам. На высшем уровне существует признание потребности

менять традиционные функции государственных органов для соответствия мировым стандартам открытости, отчетности госорганов. Также признается высокий запрос общества, партий, общественных организаций на трансформацию отношений гражданского общества и власти. Цифровизация и открытость распространения информации, социальные сети ставят новые задачи для политических и общественных организаций. Общественное мнение прорывается в информационном пространстве, на которое государство должно реагировать и менять механизмы своей работы. Социальные сети позволяют общественным активистам, политическим организациям привлекать внимание населения, создавать общественные группы, собирать активистов вокруг подобных важных петиций и проектов.

Таким образом происходит двухсторонний процесс трансформации политических и общественных организаций. Это и самостоятельное понимание необходимости перемен со стороны власти и госорганов. С другой стороны, процесс трансформации происходит по запросу «снизу». Институты гражданского общества, общественные организации, активисты используют все возможности цифровизации, социальных сетей для повышения эффективности процесса модернизации, трансформации государственных органов. В конечном результате, все эти современные процессы трансформации общественных и политических институтов, положительно влияют на процесс демократизации, развитие политической культуры и сознания населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дюсегнулова, Р. Токаев поручил создать единую платформу для онлайн-петиций // Информационное агентство tengrinews.kz (01.09.2020). URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-poruchil-sozdat-edinuyu-platformu-onlayn-petitsiy-412845/ (дата обращения: 10.02. 2025).

2. Закон Республики Казахстан «Об общественном контроле» от 2 октября 2023 года № 30-VIII ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000030> (дата обращения: 10.02. 2025).

3. Клименко, Т. Е-петиции: о чём просят казахстанцы и прислушиваются ли к их мнению // Информационное агентство informburo.kz (6.09.24). URL: <https://informburo.kz/stati/e-peticii-o-cyom-prosyat-kazaxstancy-i-prislusivayutsya-li-k-ix-mneniyu> (дата обращения: 10.02. 2025).

4. Официальный сайт правительства РК. Реформы в Казахстане: от намерений к действиям. Новый курс Президента РК Касым-Жомарта Токаева (5.03.2021). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-zagreb/press/news/details/170060?lang=ru> (дата обращения: 10.02. 2025).

5. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» (16.03.2022). – Астана : Акорда, 35 с.

REFERENCES

1. Dyusegnulova, R. Tokaev poruchil sozdat' edinuyu platformu dlya onlayn-petitsiy // Informatsionnoe agentstvo tengrnews.kz (01.09.2020). URL: https://tengrnews.kz/kazakhstan_news/tokaev-poruchil-sozdat-edinuyu-platformu-onlayn-petitsiy-412845/ (data obrashcheniya: 10.02.2025).
2. Zakon Respubliki Kazakhstan «Ob obshchestvennom kontrole» ot 2 oktyabrya 2023 goda № 30-VIII ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000030> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
3. Klimenko, T. E-petitsii: o chem prosyat kazakhstantsy i prislushivayutsya li k ikh mneniyu // Informatsionnoe agentstvo informburo.kz (6.09.24). URL: <https://informburo.kz/stati/e-peticii-o-cyom-prosyat-kazakhstancy-i-prislusivayutsya-li-k-ix-mneniyu> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
4. Ofitsial'nyy sayt pravitel'stva RK. Reformy v Kazakhstane: ot namereniy k deystviyam. Novyy kurs Prezidenta RK Kasym-Zhomarta Tokaeva (5.03.2021). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-zagreb/press/news/details/170060?lang=ru> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
5. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana «Novyy Kazakhstan: put' obnovleniya i modernizatsii» (16.03.2022). – Astana : Akorda, 35 s.

Информация об авторе

Шарип Абдрахманович Ишмухамедов, кандидат политических наук, ассоциированный профессор, Университет Туран, ул. Сатпаева 16а, 050013, г. Алматы, Казахстан, sh.ishmukhamedov@turan-edu.kz, <https://orcid.org/0000-0000-0002-8357-6675>, Scopus Author ID: 58605345700.

Information about the Author

Sharip A. Ishmukhamedov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Turan University, Satpayev street 16a, 050013, Almaty, Kazakhstan, sh.ishmukhamedov@turan-edu.kz, <https://orcid.org/0000-0000-0002-8357-6675>, Scopus Author ID: 58605345700.

Для цитирования: Ишмухамедов Ш. А. Современные особенности трансформации политических институтов в Казахстане // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 37-43. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf.

УДК 323.2

«ОБРАЗ БУДУЩЕГО» В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ И ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Наталья Владимировна Евсева

ООО «Институт социального маркетинга», ИНИОН РАН,
г. Москва, Российская Федерация

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье представлены результаты исследования концепта «образа будущего» и его влияние на внешнее позиционирование городской и национальной (общегосударственной) идентичности молодежи новых субъектов РФ. Идентичность, особенно ее групповая форма, является сложным социально-психологическим феноменом, создающим ощущение сопричастности определенной общности. Государства в современном мире стремятся оказывать комплексное влияние на создание национальной (общегражданской) идентичности, результатом образования и поддержания которой становится снижение конфликтогенности и поляризации общества.

Методология и методы. В качестве ключевого подхода выступает социальный конструктивизм, позволяющий исследовать городскую и общегражданскую идентичность как определенный конструкт, меняющихся в соответствии с влиянием внутренних и внешних факторов. Данные основываются на проведении 12 глубинных интервью с представителями молодежи, проживающими в Мариуполе и Луганске. В качестве подтверждения тех или иных выводов используются цитаты информантов.

Анализ. Важным фактором самоидентификации с определенной группой становится образ будущего, т.е. предположение о трендах развития, определение своего места в рамках формирующейся картины мира. Будущее оказывает существенное влияние на городскую и национальную идентичность, определяя разнонаправленные сценарии и модели поведения людей, включенных в те или иные общности. Городская идентичность укрепляется, внешне позиционируется в позитивном ключе, если жители того или иного города предполагают для

* Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта № 124101700567-2 «Формирование общероссийской идентичности молодежи новых субъектов РФ: риски и перспективы». Проект реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

него оптимистическое будущее. В обратном случае – городская идентичность становится менее выраженной, проявляется выраженное желание покинуть город, переехать в более перспективный.

Результаты. Был сделан вывод об амбивалентном характере публичного позиционирования идентичности: городского уровня в отечественной среде, национального – в международной. На основе опроса об ассоциациях со словом «Родина» было выявлено доминирование локальной идентичности для молодежи Луганска и Мариуполя.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, образ будущего, гражданская идентичность, национальная идентичность, современная Россия.

UDC 323.2

«IMAGE OF THE FUTURE» IN THE FORMATION OF URBAN AND CIVIC IDENTITY OF YOUTH IN NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION*

Natalia V. Evseeva

ООО «Institute of Social Marketing», INION RAS,
Moscow, Russian Federation

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents the results of the study of the concept of "image of the future" and its influence on the external positioning of the urban and national (national) identity of young people in the new subjects of the Russian Federation. Identity, especially its group form, is a complex socio-psychological phenomenon that creates a sense of belonging to a certain community. States in the modern world strive to exert a comprehensive influence on the creation of a national (civil) identity, the result of the formation and maintenance of which is a decrease in conflict potential and polarization of society.

Methodology and methods. The key approach is social constructivism, which allows us to study urban and civil identity as a certain construct that changes in accordance with the influence of

* The article was prepared and published within the framework of the project No. 124101700567-2 «Formation of the All-Russian Identity of Youth in New Subjects of the Russian Federation: Risks and Prospects». Implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

internal and external factors. The data are based on 12 in-depth interviews with young people living in Mariupol and Lugansk. Quotes from informants are used to confirm certain conclusions.

Analysis. An important factor in self-identification with a certain group is the image of the future, i.e. an assumption about development trends, determining one's place within the emerging picture of the world. The future has a significant impact on urban and national identity, determining multidirectional scenarios and behavior patterns of people included in certain communities. Urban identity is strengthened, externally positioned in a positive way, if residents of a particular city assume an optimistic future for it. In the opposite case, urban identity becomes less pronounced, a pronounced desire to leave the city and move to a more promising one is manifested.

Results. A conclusion was made about the ambivalent nature of public positioning of identity: the urban level in the domestic environment, the national level in the international one. Based on a survey on associations with the word "Motherland", the dominance of local identity was revealed for the youth of Lugansk and Mariupol.

Keywords: identity, self-identification, image of the future, civic identity, national identity, modern Russia.

Введение

Современное государство помимо реализации своих традиционных функций: обеспечения безопасности граждан, справедливого распределения ресурсов между гражданами, содействия развитию общества – приобретает и новые задачи, такие как обеспечение формирования общегражданской идентичности, определение перспектив развития государства, общества и т.д. Развитие общества должно соответствовать какому-либо плану, который в современном научном и общественном дискурсе называется «образом будущего». Формирование и поддержание общегражданской идентичности важно для создания комфортной среды общественного взаимодействия, снижения конфликтного, поляризационного потенциала общества. Наличие «образа будущего», разделяемого той или иной частью социума, является одним из слагаемых идентичности. В рамках данной статьи перед нами стоит задача соотнесения роли «будущего» во внешнем позиционировании идентичности молодежи новых субъектов РФ (исследование проводилось в Луганске и Мариуполе).

В рамках статьи мы будем, прежде всего, говорить о разных уровнях социальной групповой идентичности, которая представляет собой «результат самоотождествления группы, выделения себя в качестве самостоятельного целостного субъекта, осознания своей индивидуальности и, соответственно, отличия от других, прежде всего равностатусных групп в составе основной организации» [4, с. 150].

Т. П. Емельянова, Е. Н. Викентьева, С. В. Тарасов отмечали, что концептуально образ будущего и городская идентичность выделяются в качестве показателей «социального самочувствия представителей разных поколений, их ожиданий и опасений» [6, с. 57]. Т.е. ожида-

ния будущего, определение личных перспектив в том или ином территориальном и/или государственном образовании, осознание единства целей и ценностей с другими жителями тех или иных локальных сред, определяют социальное самочувствие.

Соотношение тем идентичности и образа будущего уже находило свое отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей [3, 9, 12]. Отношение к будущему, во многом, определяет готовность остаться в городе (регионе) ради его развития или же покинуть его, если будущего представляет бесперспективным.

Идентичность как социально-психологический феномен представлена на многих уровнях групповой солидаризации, в том числе и на уровне муниципалитета, города. В отечественных исследованиях уже не раз отмечалось, что идентичность жителей различных городов отличается. Так, в исследовании О. И. Вендиной отмечалось, что столичная идентичность (Москва) существенно отличается от региональной, что обуславливается «убежденностью жителей в значимости для себя мегаполиса и ощущением принадлежности к избранному закрытому, элитарному сообществу» [2]. В этом ракурсе интересен опыт Сургута – северного моногорода. Ответы на анкетный опрос показали, что жители этого города чувствуют к нему привязанность, как к родному месту, но колеблются относительно выбора его для дальнейшего проживания [10].

Существует ряд полярных сценариев, связанных с городской идентичностью молодежи и «образом будущего» для жителей тех или иных городов: 1. Прочная ассоциация себя с городом, желание жить в нем в будущем (большие города, особенно столичного типа); 2. Идентичность не сформирована, доминирующие настроения связаны с желанием уехать; 3. Жители города испытывают к нему приятные, ностальгические чувства, но не могут определить относительно укоренения в нем или переезда в другой город.

Коллектив исследователей Алтайского государственного университета отмечал, что согласно результатам опроса, гражданская идентичность не является для респондентов доминирующей, находясь на статистически близком уровне с идентичность региона (края, области) и непосредственного места проживания (город, село). Данные по ощущению близости к государству, региону, городу статистически очень близкие: 82 %, 82,3 %, 84,5 % [7, с. 81]. При этом авторы отмечают, что уровень гражданской идентичности ранее (до 2021 г.) превышал значения местных идентичностей. Возможной причиной подобной трансформации называется неопределенность и нестабильность, вызванные коронавирусной пандемией. «При всех тревогах и изменениях в целом в кризисных ситуациях люди ищут солидарности с теми, кто их чаще понимает и находится рядом» [7, с. 81].

Методология и методы исследования

Существует целый ряд как классических, так и современных подходов к исследованию идентичности, каждый из которых обладает значимым научным потенциалом. В рамках

статьи мы будем использовать методологию социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [1], что позволит нам исследовать идентичность как социальный конструкт, обретающий те или иные параметры в соответствии с интенцией субъекта и в ответ на изменения внешней среды. Идентичность не обладает свойством монолитности, а представляет собой нечто «конструируемое, неоднозначное, подвижное» [11, с. 284].

Выводы данной статьи основаны на материалах 12 глубинных интервью, проведенных с представителями молодежи, проживающими в Мариуполе и Луганске. В качестве подтверждения тех или иных выводов будут использоваться цитаты информантов.

Результаты

Одна из самых интересных методик исследования городской идентичности разработана М. Лалли, которая включает в себя анализ идентичности через пять шкал – блоков: внешняя ценность, общая привязанность, связь с прошлым, восприятие близости, целеполагание [13]. Используя эту методику, коллектив авторов (О. И. Муравьева, С. А. Литвина, О. В. Кружкова, С. А. Богомаз) провел опрос в 6 городах России. Для Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Владивостока было характерно доминирование показателей значимости внешней ценности города и общей привязанности. Томск представлял собой близкий к названным ранее городам пример с одним исключением: общая привязанность была выражена несколько больше, чем внешняя ценность. В свою очередь, для идентичности Барнаула и Петропавловска-Камчатского – важнейшим стал блок – общая привязанность, тогда как внешняя ценность была на периферии, значительно уступая иным показателям [8]. Тем самым, ключевой характеристикой городской идентичности является общая привязанность к городу. Остальные переменные сильно варьируются в зависимости от статуса города, количества жителей, исторической ценности и т.д.

В ходе анализа транскриптов интервью представителей молодежи новых субъектов РФ мы пришли к выводу, что для информантов из Луганска и Мариуполя характерна практика выделения двух доминирующих блоков идентичности со своим городом: общая привязанность к городу и внешняя ценность города. При этом внешняя ценность обуславливается не только значимостью этих городов в ходе проведения специальной военной операции, но и историческим значением городов как промышленных центров. *«Я люблю свой родной город, он мне нравится. Я учусь [тут] и могу в любую точку России поехать и попробовать там устроиться. Ну, я здесь уже более-менее осел. Пока что, в ближайшее время, я планирую здесь быть». «Ну, как-то, не знаю, уезжать никуда не хочется, потому что там надо будет начинать все с нуля. То есть тут как бы много знакомых, много друзей, как бы, тем более у меня родители здесь. Ну, я если куда-то уеду, то я сюда не смогу приехать к ним» (Мариуполь, мужчина, 22 года).*

При этом нельзя сказать, что все респонденты высказываются о стремлении остаться в своих городах. Миграционные настроения присутствуют, но связаны они, прежде всего, с перспективами профессионального трудоустройства и самореализации. *«Ну, где-то северная часть России, Новосибирск, Владивосток. Там много элементов логистики, транспортные хабы и так далее. Там это очень хорошо востребовано. Профессии логистов, транспортников там хорошо ценятся».* (Мариуполь, мужчина, 20 лет).

В контексте нашего исследования мы связываем стремления остаться в городе проживания или уехать в более перспективный регион с образом будущего. Отсутствие четких перспектив, осознание невозможности или серьезных сложностей в собственной реализации приводит к высказанному стремлению к смене города проживания. Так, одна из девушек отмечала, что ее планами на ближайшее будущее является покупка машина, а из более глобального – это стремление *«развиваться как личность, но тут пока нигде».* Желаемым местом переезда стали Москва и Санкт-Петербург: *«В Москве много возможностей, где можно развиваться. В Питере также»* (Мариуполь, женщина, 27 лет).

Наличие четких перспектив и определение своего места в прогнозируемом будущем того или иного города, наоборот, приводит к закреплению за местностью. В этом контексте интерес вызывает высказывание одного респондента, который связывает свое персональное будущее с городом, обосновывая это определенной миссией: *«Есть у меня там идеи как восстановить водное поло Мариуполя, потому что после войны команды не осталось. Остался только я один из этой команды и еще один человек. Ну, это он будет как уже ветеран этого спорта. В планах восстановить былую славу Мариуполя, Мариупольского водного поло»* (Мариуполь, мужчина, 26 лет).

Городская идентичность является ярко выраженной формой групповой идентичности, но далеко не единственной. Во многом, о сформированности той или иной групповой идентичности может свидетельствовать ответ на вопрос об ассоциациях со словом «Родина».

Основываясь на ответах респондентов на данный вопрос, мы составили облако слов («word cloud»), отфильтровав слова, не содержащие смысловой нагрузки, и встречающиеся в тексте менее 2 раз. Чем ближе к центру расположено слово и чем оно больше в размере, тем чаще оно встречалось в ответах информантов.

Как мы можем убедиться доминирующей в контексте ассоциаций с Родиной является локальная идентичность, т.е. город, дом. Интересно то, что также представлен целый спектр ассоциаций, связанных с детством и семьей.

Вместе с тем идентичность познается по отношению к чему-либо иному в рамках дихотомии «свой» / «чужой», либо ее более утрированной и резко антагонистической версии «друг» / «враг». В этом плане интерес вызывает ответ на прямой вопрос «Как бы вы представились, если бы приехали в другой город России или в другую страну?». В России информанты представлялись бы как жители города (Мариуполя, Луганска): *«Прямым текстом бы*

сказал, что я мариупольчанин» (Мариуполь, мужчина, 20 лет); «Город нашумевший. Хорошо нашумевший по России» (Мариуполь, мужчина, 22 года, строительная компания); «Что я с Луганска. А Луганск уже известен на всю Российскую Федерацию» (Луганск, мужчина).

При попадании в иностранную среду фиксировалось практика внешнего позиционирования идентичности национального (общегосударственного) уровня, которая самими информантами объяснялась через призму неизвестности отдельных городов для иностранцев: «они не знают, где это [Донецк]. Россия тогда» (Мариуполь, женщина, 24 года); «Я бы гордо сказала, что я из России» (Луганск, женщина, 20 лет).

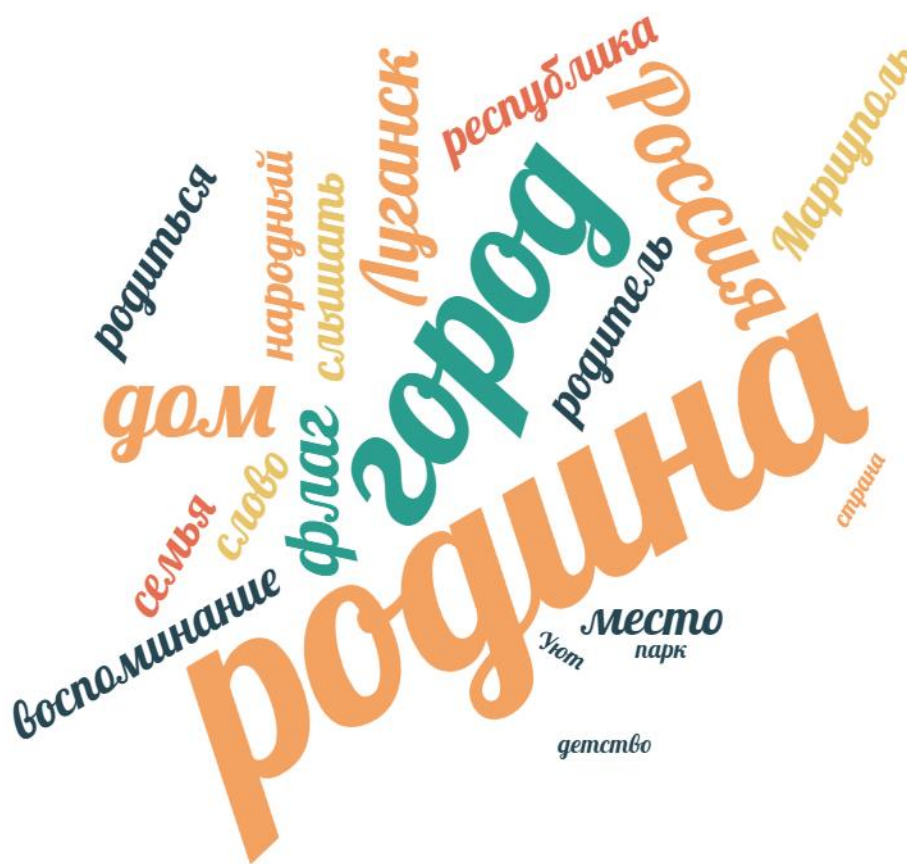

Рис. 1. Облако слов – ассоциаций с Родиной

Выводы

Тем самым, мы получаем амбивалентную для молодежи Луганска и Мариуполя картину: с одной стороны, они представляются жителями своих городов (иногда Народных республик) как форму идентичности внутри страны, а с другой – гражданами России при самоидентификации в рамках разговора с иностранцами. Подобная модель поведения является отражением феномена, описанного И. Гофманом в книге «Представление себя другим в по-

вседневной жизни», когда образ конкретного Я считается окружающими как коллективный образ группы или организации, которую представляет этот индивид [5].

Для молодежи новых субъектов РФ характерно доминирование локального над глобальным, что проявляется в ответах на вопрос об ассоциациях со словом «Родина». В этом контексте заметным становится выделение таких концептов как семья, детство, уют, воспоминание. Помимо этого, значимым является и выраженное некоторыми респондентами стремление профессиональной реализации, развития (и даже жертвенности) именно в рамках локального сообщества, того города, в котором они родились и выросли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. Пер. Е. Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Вендина, О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 27-39.
3. Вилков, А. А. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан / А. А. Вилков, Н. И. Шестов, А. В. Абрамов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 108-122. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>
4. Гайдар, К. М. Феномен идентичности группового субъекта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 11. С. 148-154.
5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. Пер. с англ, и вступ. статья А. Д. Ковалева. М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
6. Емельянова, Т. П. Городская идентичность и образ будущего в двух городах: фактор поколения / Т. П. Емельянова, Е. Н. Викентьева, С. В. Тарасов // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2000. № 4. С. 57-78.
7. Максимова, С. Г. Образ будущего России как основа для позитивной идентификации граждан / С. Г. Максимова, Н. Ю. Атясова, О. В. Суртаева, Е.В. Шахова, А. С. Спирина // Society and Security Insights. 2021. № 4 (4). С. 77-94. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)4-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05)
8. Муравьева, О. И. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов / О. И. Муравьева, С. А. Литвина, О. В. Кружкова, С. А. Богомаз // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 63-80.
9. Нестик, Т. А. Социальная идентичность и временная перспектива личности как предпосылки отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему / Т. А. Нестик, О. С. Шаповалова, С. А. Плужник // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 4 (16). С. 102-126.
10. Покатиловская, Е. Н. Образ города проживания в представлениях жителей с разной городской идентичностью / Е. Н. Покатиловская, Л. В. Шибяева // Институт психологии

Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2 (14). С. 192-209.

11. Русакова, О. Ф. Современная политическая философия: предмет, концепт, дискурс / О. Ф. Русакова. Екатеринбург: Издательский Дом "Дискурс-Пи", 2012. 400 с.

12. Demneh, M. Destination Identity: Futures Images as Social Identity / M. Demneh, R. Morgan // *Journal of Futures Studies*. 2018. № 22 (3). pp. 51-64.

13. Lalli, M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings / M. Lalli // *Journal of Environmental Psychology*. 1992. Vol. 12 (4). Pp. 285-303. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7)

REFERENCES

1. Berger, P., Luckmann, T. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Transl. by E. D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995, pp. 323.

2. Vendina, O. I. *Moskovskaya identichnost' i identichnost' moskvichej* [Moscow Identity and the Identity of Muscovites]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 2012, no. 5, pp. 27-39.

3. Vilkov, A. A., Shestov, N. I., Abramov, A. V. *Social'nyj zapros na budushchee Rossii v politicheskikh proektah i massovom soznanii grazhdan* [Social Demand for the Future of Russia in Political Projects and Mass Consciousness of Citizens]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 108-122. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>.

4. Gaydar, K. M. *Fenomen identichnosti gruppovogo sub"ekta* [The Phenomenon of Group Subject Identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2009, no. 11, pp. 148-154.

5. Goffman, I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Transl. by A. D. Kovalev. Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 2000, pp. 304.

6. Emelyanova, T. P., Vikent'eva, E. N., Tarasov, S. V. *Gorodskaya identichnost' i obraz budushchego v dvuh gorodah: faktor pokoleniya* [Urban Identity and the Image of the Future in Two Cities: The Generation Factor]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education"], 2000, no. 4, pp. 57-78.

7. Maksimova, S. G., Atyasova, N. Yu., Surtaeva, O. V., Shakhova, E. V., Spirina, A. S. *Obraz budushchego Rossii kak osnova dlya pozitivnoj identifikacii grazhdan* [The Image of the Fu-

ture of Russia as a Basis for Positive Identification of Citizens]. *Society and Security Insights*, 2021, no. 4 (4), pp. 77-94. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)4-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05).

8. Murav'eva, O. I., Litvina, S. A., Kruzhkova, O. V., Bogomaz, S. A. Osobennosti struktury identichnosti s gorodom molodezhi rossijskih gorodov [Features of the Structure of Urban Identity Among Youth in Russian Cities]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University], 2017, no. 1, pp. 63-80.

9. Nestik, T. A., Shapovalova, O. S., Pluzhnik, S. A. Social'naya identichnost' i vremennaya perspektiva lichnosti kak predposylki otnosheniya k kollektivnomu proshlomu, nastoyashchemu i budushchemu [Social Identity and Temporal Perspective of the Individual as Prerequisites for Attitudes Toward Collective Past, Present, and Future]. Institut psihologii RAN. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2019, vol. 4, no. 4 (16), pp. 102-126.

10. Pokatilovskaya, E. N., Shibaeva, L. V. Obraz goroda prozhivaniya v predstavleniyah zhitelej s raznoj gorodskoj identichnost'yu [The Image of the City of Residence in the Perceptions of Residents with Different Urban Identities]. Institut psihologii RAN. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2019, vol. 4, no. 2 (14), pp. 192-209.

11. Rusakova, O. F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncept, diskurs [Modern Political Philosophy: Subject, Concept, Discourse]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi, 2012, pp. 400.

12. Demneh, M., Morgan, R. Destination Identity: Futures Images as Social Identity. *Journal of Futures Studies*, 2018, no. 22 (3), pp. 51-64.

13. Lalli, M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*, 1992, vol. 12 (4), pp. 285-303. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7).

Информация об авторах

Наталья Владимировна Евсева, руководитель проектов, ООО «Институт социального маркетинга», младший научный сотрудник ИНИОН РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418, г. Москва, Российская Федерация, evseeva@insomar.ru

Кирилл Михайлович Макаренко, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет (ВолГУ), просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, Maikarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>, SPIN-код: 4247-5293, AuthorID: 903952.

Information about Authors

Natalia V. Evseeva, Project Manager, Institute of Social Marketing, Junior Researcher at INION RAS, Nakhimovsky Prospekt, 51/21, 117418, Moscow, Russian Federation, evseeva@insomar.ru

Kirill M. Makarenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>, SPIN-code: 4247-5293, AuthorID: 903952

Для цитирования: Евсева Н. В., Макаренко К. М. «Образ будущего» в формировании городской и общегражданской идентичности молодежи новых субъектов Российской Федерации // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 44-54. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf

УДК 372.2:316.42

КОНЦЕПЦИЯ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ» В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Нина Сергеевна Горбачева

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена определению причин асимметричного развития стран в современном международном сообществе с обращением к предыдущему историческому развитию общественной мысли. Геополитическая напряженность на мировой арене особенно актуализирует данную тему сегодня, поскольку крупнейшие страны вступают в борьбу за роль нового мирового лидера.

Материалы и методы исследования. В качестве теоретико-методологической основы выступают концептуальные положения теорий «стадий экономического роста», «большого толчка», мир-системного анализа. В статье используются исторический и системный методы исследования, а также автор обращается к политэкономическому анализу как методу исследования, позволяющему в динамике проследить тенденции общественного развития.

Основная часть. На основе анализа некоторых теорий, объясняющих неравномерность развития стран, автор доказывает необходимость применения междисциплинарного подхода в исследовании страновых различий. Таким междисциплинарным подходом является мир-системный анализ, определяющий природу отношений стран-центра и стран-периферии через отношения зависимости. На основе исторического анализа капиталистического общества мир-системный подход сегодня очень четко позволяет понять динамику развития общества, а значит – выработать определенные рекомендации по его трансформации.

Выводы. Перед государством сегодня стоит задача активного управления экономическим и политическим развитием. Либерализм, а вслед за ним и неолиберализм – показали свою несостоятельность в контексте взаимоотношений господства и подчинения, поэтому необходимо вести поиск новой парадигмы управления.

Ключевые слова: развитые страны, развивающиеся страны, мир-системный анализ, глобализация, либерализм.

UDC 372.2:316.42

THE CONCEPT OF "CENTER-PERIPHERY" IN THE MODERN GEOPOLITICAL PROCESS

Nina S. Gorbacheva

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to determining the causes of the asymmetric development of countries in the modern international community with reference to the previous historical development of public thought. Geopolitical tensions on the world stage are particularly relevant to this topic today, as the largest countries enter the struggle for the role of a new world leader.

Materials and methods of research. The theoretical and methodological basis is the conceptual provisions of the theories of «stages of economic growth», «big push», and world-system analysis. The article uses historical and systematic research methods, and the author also refers to political economic analysis as a research method that allows tracing trends in social development in dynamics.

Analysis. Based on the analysis of some theories explaining the uneven development of countries, the author proves the need for an interdisciplinary approach in the study of country differences. Such an interdisciplinary approach is the world-system analysis, which determines the nature of relations between the central and peripheral countries through dependence relations. Based on the historical analysis of capitalist society, the world-system approach today makes it possible to understand the dynamics of society's development very clearly, and therefore to develop certain recommendations for its transformation.

Conclusions. The State today faces the task of actively managing economic and political development. Liberalism, followed by neoliberalism, have shown their inadequacy in the context of the relationship of domination and subordination, therefore it is necessary to search for a new management paradigm.

Keywords: developed countries, developing countries, world-system analysis, globalization, liberalism.

Введение

В настоящее время на мировой политической арене происходят глубокие трансформации по своему масштабу даже больше, чем во время становления Советского Союза как абсолютно нового государства. Россия в этой системе как крупный собственник ресурсов, продолжает оказывать влияние на мировые процессы. Однако внутри страны наблюдаются

серьезные противоречия в социально-экономическом развитии: вследствие продолжительной экономической деградации на фоне политической стабильности все более увеличивается межрегиональный разрыв в субъектах федерации и актуализируется крайне высокий уровень социального неравенства.

Кроме того, мировое сообщество сегодня переживает жесточайший кризис глобализации, обусловленный ростом социального неравенства, ужесточения санкционного давления и укрепления протекционистских мер, с одной стороны, и прогрессе творческого труда, стремительного роста цифровизации и роботизации экономики, с другой. В настоящее время существует целый комплекс подходов, объясняющих трансформацию социально-экономических и политических изменений в обществе.

Материалы и методы исследования

Для раскрытия концепции «центр-периферия» в современном геополитическом процессе будет опираться на положения теорий «стадий экономического роста», «большого толчка», мир-системного анализа. Решение исследовательской задачи связано также с использованием исторического и системного подходов, а также политэкономического анализа, что позволяет раскрыть социально-политические и социально-экономические процессы современных обществ.

Основная часть

Так, например, согласно модели стадий экономического роста У. Ростоу развивающиеся страны догоняют страны развитые. В своей книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» Уильям Ростоу фактически представляет историю развития человеческого общества посредством последовательной смены обществ пяти типов: от традиционного до «высокого массового потребления». Автор пишет, что при достижении последней, самой прогрессивной стадии возникает «особый тип социальной политики», известной под названием «государства общественного благосостояния», что ярко характеризует один из путей развития общества после достижения им технологической зрелости» [7, с. 24].

Позволим себе не согласиться с данным тезисом по двум причинам.

Во-первых, теория У. Ростоу отрицает цикличность развития экономики и общества в целом. Автор упускает из виду тот факт, что становление новой, более качественной системы всегда возникает на фоне кризиса системы предыдущей.

Во-вторых, сейчас перед обществом стоят куда более серьезные задачи, чем это представлялось автору. Даже если допустить факт линейного развития общества и признать, что идеалом является «общество потребления», то неизбежно придется обратить внимание на

такие проблемы как кризис перепроизводства, высокий уровень социальной и экономической дифференциации и т.д.

Кроме того, концепция У. Ростоу не выдерживает сколь-нибудь серьезной критики уже потому, что ни одно традиционное общество так и не стало индустриальным или даже постиндустриальным за последние 50–70 лет. У. Ростоу на V Международном социологическом конгрессе, проходившем в Вашингтоне 2–8 сентября 1962 года признавал, что «исследователь должен подходить к обществу динамически» [5], однако на деле это означает лишь тот факт, что политики, а вместе с ними и правящий класс должны будут направить эти трансформации в выгодное им русло.

Еще одной концепцией, объясняющей развитие пространства, является теория «большого толчка», разработанная П. Н. Розенштейн-Роданом для объяснения отставания ряда европейских стран [14]. Основопологающим моментом данной теории стал вопрос индустриализации отстающих стран, причем этот вопрос решался лишь с точки зрения неокейсианской модели, то есть достаточно больших бюджетных ассигнований в экономику страны. Фактически это тот же либеральный подход, согласно которому достаточно крупное вливание капитала будет способствовать стабильному экономическому росту. Но тогда возникает вопрос, каким образом развивающиеся страны могут позволить себе крупные капиталовложения? Теория «большого толчка» как теория послевоенного восстановления появилась в научном дискурсе под влиянием «плана Маршалла», который, очевидно сыграл немаловажную роль в экономическом развитии стран Европы. Другим же источником финансирования предполагалась принудительная экономия развивающихся стран за счет денежно-кредитной и налоговой политики.

Даже если допустить, что данная теория рабочая, и у развивающейся страны есть необходимое достаточное количество ресурсов, как например, указывает Х. Лейбенштейн в размере 12–15 % национального дохода как «минимального критического усилия» [13, с. 133], то на авансцену выходит новый концепт, предлагаемый учеными либерального и неолиберального толка Г. Зингером и Р. Пребишем: «порочный круг нищеты» [6]. В его основе прослеживается тезис о корреляционной зависимости между ростом населения и замедлением экономического роста, а впоследствии – стагнацией и системным кризисом. «Порочные круги нищеты» имеют множество подтипов и разновидностей от нехватки капитала до нехватки ресурсов модернизации (Р. Нурксе), однако они также не выдерживают критики потому, что причина в них сливается со следствием, то есть каждый следующий фактор не имеет стойкой связи с предыдущим. А значит данная теория также не способна объяснить причины различий в развитии стран на мировой арене.

Вместе с тем нужно признать, что ни одна ни экономическая, ни политическая теория не может объяснить все: она непременно должна быть дополнена различными концепциями и идеями. Кроме того, порой основные идеи той или иной теории необходимо корректиро-

вать, подстраиваясь под современную действительность, а значит мы не отрицаем того факта, что некоторые положения приведенных теорий и концепций могут быть уже неактуальны. Однако обращение к истории экономико-политической мысли видится нами как неперенное условие всеобъемлющего и более качественного анализа существующей реальности.

Так, в период 1980–2000 гг. после технического поражения СССР в холодной войне вследствие его распада на мировой арене усиливаются тенденции к глобализации. В 1989 году выходит знаменитая статья Ф. Фукуямы «Конец истории?», в которой автор утверждает: «...триумф западной (либеральной) идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив» [10, с. 134]. Конечно, идея о конце истории как о конечном социокультурном развитии общества отнюдь не нова: сначала Ф. Гегель, а впоследствии К. Маркс высказывали идеи о целенаправленном характере истории. Ф. Фукуяма обозначает лишь очень удобный тезис о том, что на фоне борьбы с фашизмом, а впоследствии с коммунизмом либеральная идея выходит победителем, а значит может легко оправдать достаточно агрессивную политику экспансии развитых стран по отношению к развивающимся.

Интересно, что на фоне идей свободного рынка и либеральной демократии за кулисами остаются вопросы протекционизма, который вышел на первый план после мирового финансового кризиса 2008 года. Об этом достаточно убедительно пишут авторы доклада о деглобализации: меры политики протекционизма «направлены как на ослабление зарубежных конкурентов (введение санкционных режимов), так и на создание тепличных условий собственным производителям» [2, с. 5]. Данный тезис находит свое подтверждение и сегодня: новоизбранный президент США Д. Трамп спустя всего неделю после инаугурации в 2025 году подписывал указ о введении высоких пошлин на товары из Мексики, Канады и Китая.

Таким образом, ни идея о «конце истории», ни теория о развитых и развивающихся странах не могут объяснить ни количественные, ни качественные противоречия в неравномерном развитии стран на мировой арене. Почему, например, Россия, обладая ресурсами мирового значения, хоть формально и считается развитой страной [8], существенно отстает по уровню жизни от стран Европы и США? Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить противоречия глобального развития. При всех очевидных плюсах глобализации как явления современного мира, по мысли Д. Стиглица, сторонники глобализации ассоциируют ее «с торжествующим капитализмом американского типа» [9, с. 10].

Соглашаясь с Д. Стиглицем в том, что процессы глобализации по своей природе довольно противоречивы, поскольку «растущий разрыв между имущими и неимущими оставляет все больше людей «третьего мира» в жестокой бедности, живущими менее чем на один доллар в день» [9, с. 10], отметим, что наличие международных экономических и политических организаций также не способствует равномерному развитию.

Весьма интересна мысль Д. Стиглица о том, рыночные реформы России привели к беспрецедентному росту бедности, в то время как Китай примерно в то же время на фоне рыночных реформ пережил ее «беспрецедентное сокращение» [9, с. 10]. Асимметрия странового развития не только не уменьшается с течением времени, но все более увеличивается, что позволяет сделать вывод о том, что либеральная идея, пронизывающая социокультурное и экономико-политическое развитие общества, сегодня не жизнеспособна. А это значит, что необходим поиск иных теорий, объясняющих развитие пространства и межстрановых различий.

Представляется вполне успешным поиск ответов на вопрос об асимметричном развитии стран в контексте мир-системного подхода, который в отличие от теории догоняющего развития предлагает рассматривать взаимоотношения между странами как зависимые, при этом вводя в научный дискурс понятия стран-центра и стран-периферии вместо развитых и развивающихся. Мир-системный анализ также сложился во второй половине XX века, он стал квинтэссенцией основных положений марксизма и теории зависимого развития Рауля Пребиша. На основе большого объема эмпирического материала автор убедительно доказывает причину асимметрии развития регионов с экономической точки зрения, а именно – подвергая критике капитализм как социально-экономическую систему и способ производства. «Развитый капитализм со всей очевидностью демонстрирует свой центростремительный характер... он распространяется вширь, чтобы использовать периферию, но не для того, чтобы способствовать ее развитию» [6, с. 21]. К этому стоит добавить, что мировая политико-экономическая система совершенно четко делится на две части: центр, включающий в себя несколько так называемых развитых стран, и периферию (как правило, это аграрные страны, страны с низкой производительностью труда). А это значит, что страны центра всегда будут сдерживать развитие стран периферии для того, чтобы сохранить собственный статус-кво.

Когда мы говорим о мир-системном анализе, то нельзя не сказать и о главной фигуре данной теории – И. Валлерстайне. Характеризуя капиталистическую мир-систему с позиции непрерывного накопления капитала И. Валлерстайн вводит в научный дискурс понятие «полупериферия». Под полупериферией автор понимает страны бывшего социалистического лагеря, страны БРИКС. И снова речь идет об экономической основе различий между странами. И. Валлерстайн пишет о том, что страны центра покупают у стран периферии и полупериферии товары (в большинстве случаев – сырье) по заниженным ценам. По мысли И. Валлерстайна периферия и полупериферия в историческом контексте выступают поставщиками ресурсов для стран центра. К странам центра относятся страны Северной Америки и Западной Европы. Соглашаясь с автором в том, что «развитие представляло собой набор конкретных действий, предпринимаемых европейцами для эксплуатации ресурсов неевропейского мира и извлечения прибыли из них» [15, с. 1263], добавим, что формы этой зависимости можно проследить на протяжении всей истории: от колониализма до работорговли, с одной сторо-

ны, до современного экономического и политического противостояния «коллективного Запада» и стран бывшего социалистического лагеря, с другой.

Мы уже не единожды упоминали о том, что в основе различий стран лежит экономическая составляющая. Тем не менее мы намеренно избегаем в тексте экономического анализа, поскольку считаем, что наш анализ носит скорее политэкономический характер. Вслед за И. Валлерстайном мы настаиваем на методологическом ревизионизме вследствие того, что только междисциплинарный подход позволит получить более объемную картину мира.

Отметим также, что И. Валлерстайн, как и мир-системный подход в целом в той или иной степени испытал на себе влияние марксистского учения. И. Валлерстайн, например, критикует К. Маркса в том, что он описывает капитализм как замкнутую систему. С этим тезисом не соглашается Р. Дзарасов: «...за подобным утверждением стоит недостаточное понимание диалектической логики, недостаточное понимание метода научной абстракции, соотношения абстрактного и конкретного, как они сформулированы в «Капитале»» [1]. Однако Р. Дзарасов все же признает выводы И. Валлерстайна о делении мира на страны центра, периферии и полупериферии верными.

Еще одним представителем мир-системного подхода стал Андре Гундре Франк, который рассматривал страны Латинской Америки. Интересен тот факт, что постепенно А. Г. Франк отходит от марксизма и объясняет страновые различия простым переносом центра капитализма. В начале XXI века наметилась стойкая тенденция переноса промышленного капитализма в Азиатский регион, то есть постепенный возврат к норме истории. Автор утверждал, что Азия всегда доминировала в историческом контексте, а доминанта Европы является лишь временным явлением [12].

Так или иначе все представители мир-системного подхода единодушны в одном: страны центра присваивают часть прибавочной стоимости, которая создана трудом населения периферии и полупериферии. Самир Амин, применяя данную теорию в исследовании стран Африки, идет еще дальше и вводит в научный оборот понятие «империалистическая рента» [11]. Под империалистической рентой понимается отчуждение части прибавочной стоимости, созданной населением стран полупериферии и периферии в пользу капитала стран центра.

Очевидно, что понятие империалистической ренты связано с понятием империализма, о котором говорит В. И. Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» [3]. Однако если Ленин рассматривал колониализм с точки зрения контроля над колониями, то в настоящее время зависимость сменилась псевдо-рыночными отношениями с обязательным экономическим, а впоследствии и политическим принуждением.

Так, Россия в лице СССР после Второй Мировой войны частично вышла из мир-системы, добившись статуса мировой державы и обеспечив биполярность в мире. Однако с распадом Советского Союза Россия вновь стала участником мир-системы уже в статусе по-

лупериферии, благодаря огромному ресурсному потенциалу, а также достижениям мирового значения в ядерной энергетике и промышленности. Стремительную трансформацию России от государственно-плановой экономики к рыночным механизмам Мартин Ли называет «погоней за несбыточной мечтой о свободном рынке» [4, с. 32]. Такой свободный рынок способствовал лишь затяжному экономическому спаду в 1990-е, восстановительному росту в 2000-е и стагнирующему развитию после мирового кризиса 2008 года.

Выводы

В роли страны-полупериферии Россия сегодня демонстрирует черты классической зависимости от стран-центра, начиная от технологических различий и заканчивая финансовыми потоками. Искусственно девальвированный рубль сегодня как средство накопления резервов – достаточно весомый аргумент в пользу данной теории, ведь продавая ресурсы странам-центра, Россия вкладывает выручку от продажи этих ресурсов в экономику стран центра.

Таким образом, для обеспечения устойчивого социально-экономического развития России сегодня необходимо трансформировать ресурсные преимущества в преимущества конкурентные, обеспечив рост производительности труда и технологические инновации. Для этого необходимо отказаться от модели зависимого развития: полученные средства от продажи ресурсов направлять на приобретение и/или собственное производство технологий вместо формирования избыточных накоплений на счетах иностранных банков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Диалектическая логика – это особый взгляд на мир». Интервью с Русланом Дзарасовым 09.06.2019. URL : <https://lenincrew.com/dzarasov/> (дата обращения: 27.01.2025).
2. Деглобализация; кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку. Научный доклад Р. А. Абдулов, Д. Б. Джабборов, О. О. Комолов, Г. А. Маслов, Т. Д. Степанова. Москва, 2021. 270 с.
3. Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия развития капитализма. М. : Госполитиздат, 1949. 89 с.
4. Мартин, Ли Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина под ред. Е. В. Гориной. М. : Кучково поле, 2017. 512 с.
5. Сорокин, П., Фромм, Э. Росту, У. Глазами советских участников V международного социологического конгресса (Вашингтон. 2–8 сентября 1962). Из стенограммы заседания Учёного совета ИФ АН СССР 25 сентября 1962. Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1071. Л. 84-150. Подготовка текста и публикация П. Е. Фокина URL : <https://russophile.ru/2016/11/08/%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BC%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE/> (дата обращения: 25.01.2025).

6. Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М. : ИЛА, 1992. 337 с.
7. Ростоу, В. В. Стадии экономического роста. Перевод с английского В. П. Марченко. Издательство Фредерик А. Прегер. Нью-Йорк. 1961. 242 с.
8. Силуанов предложил перестать считать Россию развивающимся государством. Экономика 18 октября 2024 года. URL : <https://www.rbc.ru/economics/18/10/2024/67124fcb9a79471f8cdba646> (дата обращения: 25.01.2025).
9. Стиглиц, Д. Глобализация : тревожные тенденции / пер. с англ. Г. Г. Пирогова. М. : Национальный общественно-научный фонд, 2003. 131 с.
10. Фукуяма, Ф. Конец истории. URL : <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).
11. Amin, S. The Surplus in Monopoly Capitalism and the Imperialist Rent // Monthly Review, 2012. Vol. 64. Issue 3. URL: <https://monthlyreview.org/2012/07/01/thesurplus-in-monopoly-capitalism-andthe-imperialist-rent> (дата обращения: 23.01.2025).
12. Frank, A. G. «The Development of Underdevelopment» Monthly Review 18, 4 (September, 1966) 17-31 pp. URL: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/s3-euw1-ap-pe-ws4-cws-documents.riprod/9781138824287/ch10/1._Andre_Gunder_Frank,_The_Development_of_Underdevelopment,_1966.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
13. Leibenstein, H. Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development // New York. 1957. P. 132-134.
14. Rosenstein-Rodan, P. N. Problems of Industrialization of Eastern and South-Eastern Europe // The Economics Journal. 1943 June – September.
15. Wallerstein, I. After developmentalism and globalization, what? // Social Forces. 2005. Vol. 83. No. 3. 1263-1278 pp.

REFERENCES

1. «Dialekticheskaya logika – eto osobyj vzglyad na mir». Interv'yu s Ruslanom Dzarasovym 09.06.2019. URL: <https://lenincrew.com/dzarasov/> (data obrashcheniya: 27.01.2025).
2. Deglobalizaciya ; krizis neoliberalizma i dvizhenie k novomu miroporyadku Nauchnyj doklad R. A. Abdulov, D. B. Dzhabborov, O. O. Komolov, G. A. Maslov, T. D. Stepanova / Moskva, 2021 g. 270 s.
3. Lenin, V. I. Imperializm kak vysshaya stadiya razvitiya kapitalizma. M. : Gospolitizdat, 1949. 89 s.

4. Martin, Li *Fashizm : reinkarnaciya. Ot generalov Gitlera do sovremennyh neonacistov i pravyyh ekstremistov* / Per. s angl. A. Yu. Kolgashkina pod red. E. V. Gorinoj. M. : Kuchkovo pole, 2017. 512 s.
5. Sorokin, P., Fromm, E., Rostou, U. *Glazami sovetskih uchastnikov V mezhdunarodnogo sociologicheskogo kongressa (Vashington. 2-8 sentyabrya 1962). Iz stenogrammy zasedaniya Uchyonogo soveta IF AN SSSR 25 sentyabrya 1962. Arhiv RAN. F. 1922. Op. 1. D. 1071. L. 84–150. Podgotovka teksta i publikaciya P. E. Fokina* URL: <https://russophile.ru/2016/11/08/%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BC%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE/> (data obrashcheniya: 25.01.2025).
6. Prebish, R. *Periferijnyj kapitalizm: est' li emu al'ternativa?* M. : ILA, 1992. 337 s.
7. Rostou, V. V. *Stadii ekonomicheskogo rosta* Perevod s anglijskogo V. P. Marchenko. Izdatel'stvo Frederik A. Preger. N'yu-Jork. 1961 g. 242 s.
8. Siluanov *predlozhit perestat' schitat' Rossiyu razvivayushchimsya gosudarstvom. Ekonomika* 18 oktyabrya 2024 goda. URL : <https://www.rbc.ru/economics/18/10/2024/67124fcb9a79471f8cdba646> (data obrashcheniya: 25.01.2025).
9. Stiglic, D. *Globalizaciya: trevozhnye tendencii* / per. s angl. G. G. Pirogova. M. : Nacion-al'nyj obshchestvenno-nauchnyj fond, 2003. 131 s.
10. Fukuyama, F. *Konec istorii* 134-148 s.: URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf> (data obrashcheniya: 26.01.2025).
11. Amin, S. *The Surplus in Monopoly Capitalism and the Imperialist Rent* // *Monthly Review*, 2012. Vol. 64. Issue 3. URL: <https://monthlyreview.org/2012/07/01/thesurplus-in-monopoly-capitalism-andthe-imperialist-rent> (data obrashcheniya: 23.01.2025).
12. Frank, A. G., «The Development of Underdevelopment» *Monthly Review* 18, 4 (September, 1966) 17-31 rr. URL: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/s3-euw1-ap-pe-ws4-cws-documents.riprod/9781138824287/ch10/1._Andre_Gunder_Frank,_The_Development_of_Underdevelopment,_1966.pdf (data obrashcheniya: 15.02.2025).
13. Leibenstein, H. *Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development.* New York. 1957. P. 132-134.
14. Rosenstein-Rodan, P. N. *Problems of Industrialization of Eastern and South-Eastern Europe* // *The Economics Journal*. 1943 June – September.
15. Wallerstein, I. *After developmentalism and globalization, what?* // *Social Forces*. 2005. Vol. 83. No. 3. 1263-1278 pp.

Информация об авторе

Нина Сергеевна Горбачева, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, gorbacheva-ns@ranepa.ru, SPIN-код: 4619-3941, AuthorID: 1275002

Information about the Author

Nina S. Gorbacheva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400006 Volgograd, Russian Federation, gorbacheva-ns@ranepa.ru, SPIN-код: 4619-3941, AuthorID: 1275002

Для цитирования: Горбачева Н. С. Концепция «центр-периферия» в современном геополитическом процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 55-65. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

УДК 336.027

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПОДДЕРЖКИ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Софья Александровна Севостьянова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье анализируются действующие в Российской Федерации региональные программы поддержки ипотечного кредитования с позиции их объектов влияния, актуальности и результативности. Текущая ситуация на рынке ипотечного кредитования создает предпосылки для более активного включения региональных бюджетов в поддержку рынка жилой недвижимости.

Методы. Ключевыми методами исследования являются сравнительный и трендовый анализ. В качестве источника данных были выбраны сведения официальной статистики, финансового института развития в жилищной сфере ДОМ.РФ, нормативно-правовых актов и отчетов о деятельности исполнительных органов региональных властей 2022 – начала 2025 годов.

Анализ. Были проанализированы 12 программ поддержки ипотечного кредитования 10 регионов России. Выявлены причины создания региональных мер поддержки в дополнение к федеральным программам льготного кредитования, которые в первую очередь стали ответом на кризисные явления в постпандемийной экономике, а во вторую очередь решали наиболее острые социально-экономические проблемы региона. На основе категоризации реализуемых региональных программ льготного ипотечного кредитования по объекту воздействия, на который направлена поддержка региональных властей, были выделены три модели развития региональных программ льготного ипотечного кредитования: профессионально-ориентированная, семейно-ориентированная и расходно-ориентированная модель.

Результаты. Гипотеза о значимом влиянии региональных программ льготного ипотечного кредитования на социально-экономические показатели региона подтвердилась лишь частично. Наибольшую эффективность по заданным критериям показала семейно-ориентированная модель. Однако стоит отметить, что в анализируемых регионах реализуется сразу несколько как федеральных, так и региональных мер поддержки молодых и многодетных семей, в связи с чем представляется невозможным оценить реальный вклад региональных ипотечных программ. Более объективным оказался анализ эффективности профессионально- и расходно-ориентированной моделей, которые конкурировали с одной-двумя мерами поддержки в регионе. В результате профессионально-ориентированная модель показала положительный результат в виде увеличения IT-специалистов, а расходно-ориентированная модель увеличения государственных служащих в регионе.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, государственная поддержка, ипотека, региональные программы, дальневосточная ипотека, IT ипотека, модели развития, государственное финансирование.

UDC 336.027

MODELS FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL MORTGAGE LENDING SUPPORT PROGRAMS

Sofya A. Sevostyanova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa,

Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article analyzes the regional mortgage lending support programs in the Russian Federation from the perspective of their objects of influence, relevance and effectiveness. The current situation in the mortgage lending market creates prerequisites for more active involvement of regional budgets in support of the residential real estate market.

Methods. The key research methods are comparative and trend analysis. Information from official statistics, the Financial Institute for Housing Development DOM, was chosen as the data source. Russian Federation, regulatory legal acts and reports on the activities of the executive bodies of regional authorities in 2022 – early 2025.

Analysis. 12 mortgage lending support programs in 10 regions of Russia were analyzed. The reasons for the creation of regional support measures in addition to federal concessional lending programs have been identified, which primarily responded to the crisis in the post-pandemic economy, and secondly solved the most acute socio-economic problems of the region. Based on the categorization of the implemented regional programs of preferential mortgage lending by the object of

influence to which the support of regional authorities is directed, three models of development of regional programs of preferential mortgage lending were identified: professionally oriented, family-oriented and expense-oriented model.

Results. The hypothesis about the significant impact of regional preferential mortgage lending programs on the socio-economic indicators of the region has only partially been confirmed. The family-oriented model showed the greatest effectiveness according to the given criteria. However, it is worth noting that several federal and regional support measures for young and large families are being implemented in the analyzed regions, which makes it impossible to assess the real contribution of regional mortgage programs. The analysis of the effectiveness of professional and expenditure-oriented models, which competed with one or two support measures in the region, turned out to be more objective. As a result, the professionally-oriented model showed a positive result in the form of an increase in IT specialists, and the expenditure-oriented model increased government employees in the region.

Keywords: housing mortgage lending, government support, mortgage, regional programs, Far Eastern mortgage, IT mortgage, development models, government financing.

Введение

Государственные программы поддержки ипотечного кредитования являются мощным инструментом государственного регулирования экономики. Завершение в 2024 году массовой программы льготного ипотечного кредитования в России привело к стагнации рынка жилья. Совокупность факторов создала в сегменте жилой недвижимости состояние перегрева, который негативно влияет на доступность покупки жилья, возможность накопить у граждан снижается и люди вынуждены брать ипотеку на большую сумму, что, в свою очередь, увеличивает риски невозврата выданных кредитов. Так, в январе 2025 года объем выдачи ипотечных кредитов год к году снизился 56,4 %, из них более 80 % выдач пришлось на действующие программы господдержки. Практически полная выдача рыночной ипотеки формирует отложенный спрос и ориентирует население на поиск подходящих форм субсидирования ставки через льготные программы. При этом стоит отметить, что идеальной единой программы поддержки развития ипотечного кредитования разработать невозможно в силу сильной дифференциации уровня цен на жилье, заработных плат, в целом состояния жилищного фонда, а также уровня развития каждого отдельного региона Российской Федерации. Это свидетельствует о повышении роли региональных программ поддержки ипотечного жилищного кредитования. В настоящее время создание региональных программ носит фрагментарный и эпизодический характер, а также основывается на разных механизмах финансирования и реализации. Это обусловило цель данного исследования – выявление и анализ моделей развития региональных программ поддержки ипотечного кредитования на современном этапе. Научная новизна исследования заключается в выявлении отличительных характеристик

различных моделей региональных программ поддержки ипотечного кредитования, позволяющих выработать приоритетный подход к их дальнейшему развитию.

Методы

Ключевыми методами исследования являются сравнительный и трендовый анализ. Выбранные методы позволили сгруппировать и обработать статистические ряды и выявить отличительные признаки региональных программ льготного ипотечного кредитования. В качестве источника данных были выбраны данные официальной статистики, финансового института развития в жилищной сфере ДОМ.РФ, нормативно-правовых актов и отчетов о деятельности исполнительных органов региональных властей. В связи с массовым стартом программ в 2022 году для анализа были отобраны данные за период 2022 – начала 2025 годов.

Анализ

Современное состояние рынка жилой недвижимости может быть описано следующими характерными чертами: около 70 % сделок с недвижимостью осуществляется с привлечением ипотечных кредитов; высокая ключевая ставка формирует заградительные условия по рыночной ипотеке (по данным на февраль 2025 среднерыночная ставка – 28,7 %); функционирует четыре федеральные программы льготного ипотечного кредитования; высокий уровень инфляции поддерживает высокую стоимость жилья; сокращается ввод новых объектов строительства; вторичный рынок жилья в среднем на треть дешевле новостройки в расчете на 1 кв.м. Описанные условия формируют спрос на дополнительные стимулирующие меры государственной поддержки отрасли жилищного строительства.

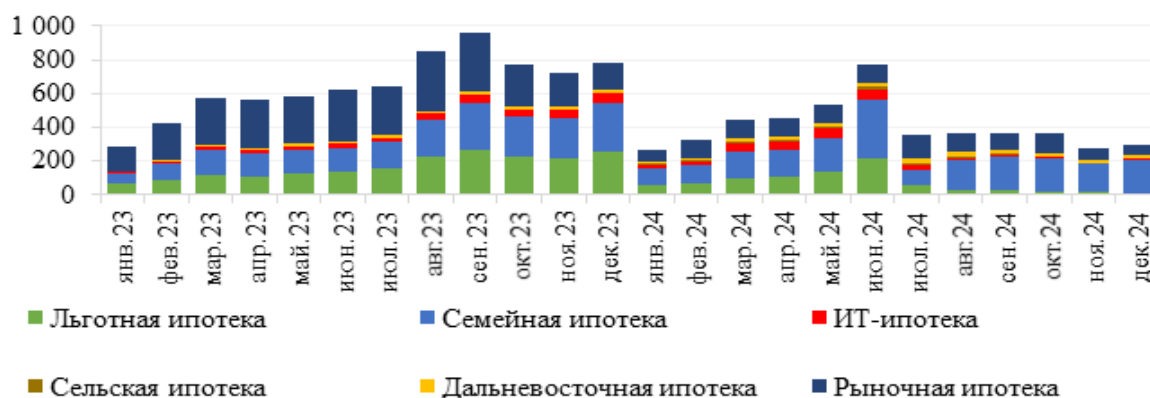

Рис. 1. Объем выдач в рамках льготных программ и рыночной ипотеки, млрд рублей

Источник: Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (дата обращения: 01.02.2025)

Исходя из данных рисунка 1 следует, что ипотека, выданная на рыночных условиях, с сентября 2023 года существенно уступает по объемам выдачи кредитам с субсидированием ставок [3]. Лидером среди программ является Семейная ипотека, которая подразумевает льготную ставку 6 % при условии приобретения квартиры в новостройке или строительства дома семьями с ребенком в возрасте до семи лет или ребенком-инвалидом. В 2023–2024 году была популярна IT-ипотека со ставкой до 6 %, выдаваемая сотрудникам аккредитованных IT-компаний. В середине 2024 года ее популярность резко сократилась в связи с увеличением обязательного периода работы в данной компании с 5 лет до окончания срока ипотечного кредита в среднем выдаваемого на 20 лет. И замыкает тройку лидеров Дальневосточная ипотека, предусматривающая субсидирование процентной ставки до уровня 2 % по ипотечным кредитам, выданным для приобретения жилья или строительства индивидуального жилого дома на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, а также на сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации [6]. В отличие от двух предыдущих льготных программ Дальневосточная ипотека представляет собой квазирегиональную программу для стимулирования повышения качества жизни населения в конкретных регионах, но финансируемую исключительно из федерального бюджета. Несмотря на важную социальную значимость проблем, решаемых через данные программы, экономисты в качестве недостатка отмечают способность федеральных программ приводить к отраслевой, территориальной, субъектной несправедливости [5].

Наряду с рассмотренными государственными программами в России сформировался кластер региональных программ поддержки ипотечного жилищного кредитования [1], отличающихся участием региона в финансировании и более низкими процентными ставками. В таблице 1 представлены действующие на начало 2025 года региональные программы льготного ипотечного кредитования.

Для того, чтобы выявить отличительные черты моделей построения региональных программ льготного ипотечного кредитования проведем ретроспективный анализ их функционирования. Большая часть программ были утверждены в 2021–2022 гг. как ответ на кризисные явления в послепандемийной экономике [2]. Некоторая часть программ имеет более длительную историю (Ростовская область, Московская область), хотя в той или иной степени все регионы финансируют различные меры поддержки нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Таблица 1 – Сводные показатели реализации региональных программ льготного ипотечного кредитования, данные за период 2022–2024 гг.

Регионы	Количество банков - участников региональных программ, шт.	Количество выданных кредитов, шт.	Объем выданных кредитов, млн руб.	Объем выплат средств субсидии банкам, млн руб.
Всего	8	3208	14850,31	1869,92
<i>Белгородская область</i>	2	87	445,49	61,16
ИТ-ипотека	2	62	343,38	49,72
Льготная ипотека	2	25	102,11	11,44
<i>Калужская область</i>	2	11	48,17	5,78
ИТ-ипотека	2	11	48,17	5,78
<i>Липецкая область</i>	1	7	26,21	2,18
ИТ-ипотека	1	7	26,21	2,18
<i>Московская область</i>	2	26	113,32	4,82
Льготная ипотека	2	26	113,32	4,82
<i>Республика Башкортостан</i>	2	18	74,84	3,35
ИТ-ипотека	2	18	74,84	3,35
<i>Республика Тыва</i>	3	2391	11547,46	1490,66
Льготная ипотека	3	2391	11547,46	1490,66
<i>Ростовская область</i>	3	83	344,39	64,33
Льготная ипотека	3	83	344,39	64,33
<i>Рязанская область</i>	3	404	1462,52	123,49
Льготная ипотека	3	404	1462,52	123,49
<i>Самарская область</i>	2	72	328,14	47,54
ИТ-ипотека	1	35	214,53	31,09
Льготная ипотека	1	37	113,61	16,45
<i>Чувашская Республика</i>	3	109	459,77	66,61
Льготная ипотека	3	109	459,77	66,61

Источник: Единый оператор льготных программ в жилищной сфере.

URL: <https://дом.рф/programs/> (дата обращения: 28.02.2025)

Принято считать, что только финансово обеспеченные регионы могут позволить себе создание подобных программ. В разрезе данных о ВРП по субъектам Российской Федерации прослеживается три блока регионов, имеющих региональные программы. В группу лидеров по объему ВРП входят Белгородская область, Московская область, Самарская область, Ростовская область и Республика Башкортостан. В группу средних по России субъектов по

объемам ВРП входят Липецкая, Калужская и Рязанская области. Резко выбивается из данной статистики Республика Тыва, так как находится на 4 месте с конца рейтинга субъектов по объемам ВРП [4]. Чтобы понять данный феномен стоит отметить, что в республике льготная программа ипотечного кредитования со ставкой 2 % предоставляется гражданам, у которых есть ребенок до 6 лет (включительно), двое несовершеннолетних детей или ребенок с инвалидностью. При этом в регионе наблюдается так называемое «демографическое чудо». Так, во всех регионах страны рождаемость в период с 2017 по 2022 годы упала, кроме Республики Тыва [4]. Если в среднем по России рождаемость сократилась на 2,6 ребенка на 1000 жителей, то в Тыве выросла на 3,5 ребенка¹. Однако эта тенденция имеет свою негативную особенность. По данным Росстата, вне брака рождается каждый пятый ребенок (22 % в 2021 году), а в Тыве стабильно из года в год вне брака рождается 59–60 % детей. Кроме того, Тыва является лидером России по числу аборт: на 1000 жителей приходится 14 операций по искусственному прерыванию беременности. Причиной этому является низкий уровень доходов граждан и высокий уровень потребления алкоголя. В связи с этим можно объяснить создание региональной программы желанием властей адресно поддержать самую уязвимую категорию населения.

В основу категоризации реализуемых программ развития региональных программ льготного ипотечного кредитования положен объект воздействия, на который направлена поддержка региональных властей. Так можно выделить следующие модели развития региональных программ льготного ипотечного кредитования:

- профессионально-ориентированная модель. В основу заложена профессия, в которую привлечение граждан становится для региона проблемой. К ним чаще всего относятся учителя, медицинские работники, IT-специалисты. К ним относятся программы Калужской, Липецкой, Московской, Ростовской, Самарской областей, Чувашской республики и республики Башкортостан. Наибольшую популярность модель получила в последние годы, так как произошла значительная трансформация рынка труда в следствии цифровизации и выхода на рынок нового поколения Z, образовавшего множество незакрытых вакансий в некоторых отраслях;
- семейно-ориентированная модель. Наиболее распространенная модель в связи с высокой социальной значимостью в условиях падения рождаемости, ориентированная на поддержку молодых и/или многодетных семей. К ним относятся программы Московской области, Республик Башкортостан и Тыва, Чувашской республики. Это самая первая модель, сформировавшаяся в России в следствие перехода к рыночному механизму приобретения жилья и роста стоимости жилой недвижимости;

¹ Рождаемость в России: почему Тыва впереди всех регионов. 3 ноября 2022 // Сетевое издание «Новые Известия on-line» <https://newizv.ru/news/2022-11-03/rozhdmost-v-rossii-pochemu-tyva-vpered-i-vseh-regionov-367849>

- расходно-ориентированная модель. В основу заложено перераспределение бюджета с фонда оплаты труда государственных и муниципальных служащих на целевую поддержку этих же граждан при покупке недвижимости с целью поддержки строительной отрасли в регионе. К ним относятся программы Белгородской и Рязанской областей, Чувашской республики. Помимо субсидирования процентной ставки, в некоторых регионах программа предполагает компенсацию части стоимости приобретаемого жилья. Эта мера применяется для покрытия первоначального взноса и частичного погашения основного долга. Такой подход делает ипотеку для чиновников уникальной, поскольку в других льготных программах государственная помощь ограничивается только процентными ставками. Появление модели произошло в 2014 году и сегодня можно сказать происходит «перезапуск» на федеральном уровне.

Распределение регионов с действующими региональными программами льготного ипотечного кредитования представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Категоризация региональных программ льготного ипотечного кредитования

Наименование республики	Профессионально-ориентированная модель	Семейно-ориентированная модель	Расходно-ориентированная модель
Белгородская область			+
Калужская область	+		
Липецкая область	+		
Московская область	+	+	
Республика Башкортостан	+	+	
Республика Тыва		+	
Ростовская область	+		
Рязанская область			+
Самарская область	+		
Чувашская Республика	+	+	+

Источник: составлено автором.

Льготная ипотека играет в первую очередь социальную роль, а во вторую направлена на строительную отрасль, которая имеет синергетический эффект на экономику при своей активизации [7]. Мы видим, что большая часть региональных программ нацелены на поддержку конкретных социально и экономически значимых профессий. Это обусловлено, во-первых, наличием федеральной программы поддержки семей с детьми, что условно закрывает демографическую проблему регионов. Во-вторых, остротой проблемы привлечения молодого поколения на работу в медицину и педагогику, и срочной необходимостью насыщения

рынка IT-специалистами. Для оценки эффективности принятых мер [8] рассмотрим региональные тенденции за период 2022 – начало 2025 гг. (табл. 3-5).

Таблица 3 – Анализ эффективности реализации профессионально-ориентированной модели

Наименование республики	Рост медицинских работников	Рост педагогических работников	Рост IT-специалистов
Калужская область	-	-	~ 0 %
Липецкая область	-	-	~ 0 %
Московская область	- 2 %	- 2 %	-
Республика Башкортостан	-	-	+ 6 %
Ростовская область	- 5 %	- 4 %	-
Самарская область	-	- 5 %	+ 6 %
Чувашская Республика	+ 1 %	- 2 %	+ 9 %

Источник: составлено автором.

Очевидным положительным результатом профессионально-ориентированной модели является рост специалистов IT сегмента. Наблюдаемое падение количества учителей в анализируемых регионах не является исключительно негативной тенденцией, так как в сравнении с общероссийскими показателями темпы ниже, что может говорить об эффективности региональной ипотеки в части замедления темпов падения показателя. Снижение количества медицинских работников в постковидный период ощущался во всех регионах в связи с поиском медицинским персоналом сопоставимых заработных плат с теми, которые они получали в период пандемии. В связи с этим прирост в Чувашской Республике можно назвать позитивным результатом региональных мер поддержки.

Таблица 4 – Анализ эффективности реализации семейно-ориентированной модели

Наименование республики	Количество многодетных семей	Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей	Суммарный коэффициент рождаемости
Московская область	+ 11 %	+ 14 %	5 %
Республика Башкортостан	+ 43 %	- 3 %	-5 %
Республика Тыва	+ 50 %	- 3 %	-8 %
Чувашская Республика	+ 8 %	- 10 %	-11 %

Источник: составлено автором.

В отличие от других моделей семейно-ориентированная тесно взаимосвязана с целым комплексом мероприятий в рамках национального проекта «Демография». При этом жилищный вопрос для многодетных семей число которых увеличивается во всех анализируемых регионах, носит острый характер и может быть решен благодаря данным программам.

Таблица 5 – Анализ эффективности реализации расходно-ориентированной модели

Наименование республики	Численность работников государственных органов	Численность работников органов местного самоуправления
Белгородская область	+ 60 %	+ 1 %
Рязанская область	+ 5 %	~ 0 %
Чувашская Республика	+ 1 %	~ 0 %

Источник: составлено автором.

Следует отметить, что количество государственных и муниципальных служащих зависит от параметров соглашений Министерства финансов Российской Федерации с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Помимо прочего в июле 2024 года в экспериментальном порядке была запущена федеральная программа льготного ипотечного кредитования для госслужащих. Особенность данной программы состоит в том, что механизм компенсации процентной ставки несколько другой, а та часть ставки, которую предстоит погашать самим заемщикам, больше. Если по другим видам льготных ипотек фиксируется та величина процентной ставки, которую будет оплачивать сам заемщик, то по ипотеке для госслужащих – та ее часть, которая будет скомпенсирована за счет бюджета. Причем это не конкретное число, а переменная, зависящая от величины ключевой ставки. Также для госслужащих компенсируют и стоимость самого приобретаемого жилья, но в строго определенных пределах. Частично эта сумма идет на первоначальный взнос по ипотеке, а частично – на погашение основного долга по жилищному кредиту. Масштабирование региональных программ на федеральный уровень подтверждает эффективность региональных программ и интерес властей адресно поддерживать работников госсектора.

В результате анализа мы приходим к выводу о необходимости ориентации региональных программ на профессионально-ориентированную модель как наиболее востребованную в условиях существования федеральных программ семейно- и бюджетно-ориентированных моделей. При этом требует доработки механизм и условия выдачи ипотечных кредитов с целью повышения результативности расходовемых средств бюджетов.

Результаты

Таким образом, на основе анализа моделей развития региональных программ поддержки ипотечного кредитования на современном этапе выявлены три модели развития региональных программ льготного ипотечного кредитования: профессионально-ориентированная, семейно-ориентированная и расходно-ориентированная модель. Рабочая гипотеза исследования о значимом влиянии региональных программ льготного ипотечного кредитования на социально-экономические показатели региона подтвердилась лишь частично. Наибольшую эффективность показала семейно-ориентированная модель. Однако стоит отметить, что в анализируемых регионах реализуется сразу несколько как федеральных, так и региональных мер поддержки молодых и многодетных семей, в связи с чем представляется невозможным оценить реальный вклад региональных ипотечных программ. Более объективным оказался анализ эффективности профессионально- и расходно-ориентированных моделей, которые конкурировали с одной-двумя мерами поддержки в регионе. В результате профессионально-ориентированная модель показала положительный результат в виде увеличения ИТ-специалистов, а расходно-ориентированная модель увеличения государственных служащих в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Единый оператор льготных программ в жилищной сфере. URL: <https://дом.пф/programs/> (дата обращения: 28.02.2025).
2. Косарев, В. Е., Долобанько, В. В. Программы ипотечного кредитования с государственной поддержкой – «перезапуск» жилищного строительства? // Финансовые рынки и банки. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-ipotechnogo-kreditovaniya-s-gosudarstvennoy-podderzhkoj-perezapusk-zhilischnogo-stroitelstva> (дата обращения: 01.03.2025).
3. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (дата обращения: 01.02.2025).
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022–2024: Статистический сборник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Романова, А. В. Льготная ипотека: дискриминация или дифференциация / А. В. Романова, С. Ю. Щукин, С. В. Челокиди, Н. Е. Спирина, Л. Р. Хакимова, Л. А. Коптев // Вестник ГУУ. 2023. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lgotnaya-ipoteka-diskriminatsiya-ili-differentsiatsiya> (дата обращения: 04.02.2025).
6. Саввинова, А. П., Сибилева, Е. В. Ипотечное кредитование как инструмент социально-экономического развития в Арктической зоне // Арктика XXI век. 2024. № 2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ipotechnoe-kreditovanie-kak-instrument-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-v-arkticheskoy-zone> (дата обращения: 08.02.2025).

7. Сошин, Н. А., Максимова, И. В. Актуальные направления исследования ипотечного жилищного кредитования как фактора социально-экономического развития в регионах Российской Федерации // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 44-60. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

8. Тихомирова, Е. С. Вопросы оценки эффективности реализации действующих программ льготного ипотечного кредитования // Московский экономический журнал. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-otsenki-effektivnosti-realizatsii-deystvuyuschih-programm-lgotnogo-ipotechnogo-kreditovaniya> (дата обращения: 08.02.2025).

REFERENCES

1. Edinyj operator l'gotnyh programm v zhilishhnoj sfere [A single operator of preferential programs in the housing sector]. URL: <https://дом.рф/programs/> (accessed 28 February 2025).

2. Kosarev, V. E., Dolobanko, V. V. Programmy ipotechnogo kreditovaniya s gosudarstvennoj podderzhkoj – «perezapusk» zhilishhnogo stroitel'stva? [Mortgage lending programs with state support – a "restart" of housing construction?]. *Finansovyje rynki i banki*, 2022, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-ipotechnogo-kreditovaniya-s-gosudarstvennoj-podderzhkoj-perezapusk-zhilishhnogo-stroitelstva> (accessed: 01 March 2025).

3. Pokazateli rynka zhilishhnogo (ipotechnogo zhilishhnogo) kreditovaniya [Indicators of the housing (mortgage housing) lending market]. *Sajt Banka Rossii*. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (accessed: 01 February 2025).

4. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2022–2024: Statisticheskij sbornik. [Regions of Russia. Socio-economic indicators 2022–2024. Statistical Collection.]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 01 February 2025).

5. Romanova, A. V. L'gotnaja ipoteka: diskriminacija ili differenciacija / A. V. Romanova, S. Yu. Shchukin, S. V. Chelokidi, N. E. Spirina, L. R. Khakimova, L. A. Koptev [Preferential mortgage: discrimination or differentiation]. *Vestnik GUU*, 2023, no. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lgotnaya-ipoteka-diskriminatsiya-ili-differentsiatsiya> (accessed: 04 February 2025).

6. Savvinova, A. P., Sibileva, E. V. Ipotecnoe kreditovanie kak instrument social'no-jekonomicheskogo razvitija v Arkticheskoj zone [Mortgage lending as a tool for socio-economic development in the Arctic zone]. *Arktika XXI vek*, 2024, no. 2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ipotecnoe-kreditovanie-kak-instrument-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-v-arkticheskoy-zone> (accessed: 08 February 2025).

7. Soshin, N. A., Maksimova, I. V. Aktual'nye napravlenija issledovaniya ipotechnogo zhilishhnogo kreditovaniya kak faktora social'no-jekonomicheskogo razvitija v regionah Rossijskoj Federacii [Current research directions of mortgage housing lending as a factor of socio-economic development in the regions of the Russian Federation]. *Paradigmy upravlenija, jekonomiki i prava*,

2024, no. 4 (14). pp. 44-60. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf (accessed: 20 February 2025).

8. Tikhomirova, E. S. Voprosy ocenki jeffektivnosti realizacii dejstvujushhih programm l'gotnogo ipotechnogo kreditovaniya [Issues of assessing the effectiveness of the implementation of existing preferential mortgage lending programs]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal*, 2022, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-otsenki-effektivnosti-realizatsii-deystvuyuschih-programm-lgotnogo-ipotechnogo-kreditovaniya> (accessed: 08 February 2025).

Информация об авторе

Софья Александровна Севостьянова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131, г. Волгоград, Российская Федерация, sevastyanova.sa@yandex, <https://orcid.org/0000-0001-7768-2888>, SPIN-код: 8330-4038, AuthorID: 820490

Information about the Author

Sofya A. Sevostyanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St., 8, 400131, Volgograd, Russian Federation, sevastyanova.sa@yandex, <https://orcid.org/0000-0001-7768-2888>, SPIN code: 8330-4038, AuthorID: 820490.

Для цитирования: Севостьянова С. А. Модели развития региональных программ поддержки ипотечного кредитования // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 67-79. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf.

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

SECTORAL ECONOMY

УДК 631.3

ВЛИЯНИЕ БПЛА НА РАЗВИТИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Артем Валерьевич Дьяченко

Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Настоящая статья посвящена исследованию влияния беспилотных летательных аппаратов на развитие и организационно-экономические взаимодействия сельскохозяйственных предприятий. Быстрый прогресс в области беспилотных технологий открывает новые возможности для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, однако их внедрение сопряжено с определенными вызовами, связанными с организационными изменениями, инвестиционными затратами и необходимостью адаптации к новым технологиям. Цель исследования – оценить влияние БПЛА на различные аспекты деятельности сельскохозяйственных предприятий, выявив как положительные, так и отрицательные стороны их применения.

Методы. Используемые методы позволяют понять влияние БПЛА на различные аспекты деятельности сельскохозяйственных предприятий. В работе применен системный анализ, позволяющий оценить взаимосвязи между применением БПЛА и ключевыми показателями эффективности предприятий. Для анализа экономической эффективности использовался метод сравнительной оценки затрат и результатов применения БПЛА и традиционных методов. Кроме того, был проведен качественный анализ на основе изучения практики использования БПЛА в сельском хозяйстве, включая анализ экспертных оценок и данных из отчетности предприятий. Методы сбора данных включали анализ нормативных документов, научной литературы.

Анализ. Анализ построен на осмыслении полученных данных о применении БПЛА в различных сферах сельскохозяйственного производства (мониторинг посевов, обработка пестицидами, посев и т.д.). Особое внимание уделено анализу экономической эффективности использования БПЛА, с учетом затрат на приобретение и эксплуатацию аппаратов, повышения производительности труда и снижения затрат на другие ресурсы (например, водные, пестициды, удобрения). Рассмотрены организационные аспекты внедрения БПЛА.

Результаты. Выявлены как положительные эффекты применения БПЛА в сельском хозяйстве (повышение урожайности, снижение затрат на ресурсы, оптимизация производственных процессов), так и ограничения (высокая стоимость начальных инвестиций, необходимость специальной подготовки персонала, зависимость от погодных условий). Определены факторы, влияющие на эффективность внедрения БПЛА. Предложены рекомендации по оптимизации процесса внедрения БПЛА в сельскохозяйственных предприятиях с учетом выявленных особенностей.

Ключевые слова: БПЛА, сельское хозяйство, прецизионное земледелие, экономическая эффективность, организационные взаимодействия, инновации, технологическое развитие.

UDC 631.3

THE IMPACT OF UAVS ON THE DEVELOPMENT AND ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC INTERACTIONS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES

Artem V. Diachenko

Voronezh branch Plekhanov Russian university of economics,
Voronezh, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article is devoted to the study of the impact of unmanned aerial vehicles on the development and organizational and economic interactions of agricultural enterprises. Rapid progress in the field of unmanned technologies opens up new opportunities for improving the efficiency of agricultural production, but their implementation is fraught with certain challenges related to organizational changes, investment costs and the need to adapt to new technologies. The purpose of the study is to evaluate the impact of UAVs on various aspects of agricultural enterprises, identifying both the positive and negative sides of their use.

Methods. The methods used make it possible to understand the impact of UAVs on various aspects of the activities of agricultural enterprises. The work uses a system analysis to assess the relationship between the use of UAVs and key performance indicators of enterprises. To analyze

the economic efficiency, a method was used to compare the costs and results of using UAVs and traditional methods. In addition, a qualitative analysis was conducted based on the study of the practice of using UAVs in agriculture, including the analysis of expert assessments and data from the reporting of enterprises. Data collection methods included the analysis of regulatory documents and scientific literature.

Analysis. The analysis is based on an understanding of the data obtained on the use of UAVs in various fields of agricultural production (crop monitoring, pesticide treatment, seeding, etc.). Special attention is paid to the analysis of the economic efficiency of using UAVs, taking into account the costs of purchasing and operating devices, increasing labor productivity and reducing the cost of other resources (for example, water, pesticides, fertilizers). The organizational aspects of UAV implementation are considered.

Results. Both the positive effects of using UAVs in agriculture (increasing yields, reducing resource costs, optimizing production processes) and limitations (high cost of initial investments, the need for special training of personnel, dependence on weather conditions) have been identified. The factors influencing the effectiveness of the implementation of UAVs have been identified. Recommendations are proposed for optimizing the process of introducing UAVs in agricultural enterprises, taking into account the identified features.

Keywords: UAVs, agriculture, precision farming, economic efficiency, organizational interactions, innovation, technological development.

Введение

Внедрение беспилотных летательных аппаратов (далее по тексту – БПЛА) в сельское хозяйство представляет собой революционное изменение в агропромышленном комплексе, существенно влияющее на развитие и организационно-экономические взаимодействия сельскохозяйственных предприятий. Актуальность данной темы, особенно в контексте современных геополитических условий, обусловлена несколькими факторами. К таковым мы относим следующие:

1) глобальные вызовы, такие как нехватка ресурсов, давление санкций и нестабильность мировых рынков, оказывают значительное влияние на экономику и требуют от предприятий внедрения новых технологических решений, направленных на обеспечение продовольственной безопасности и поддержание конкурентоспособности.

2) переход к «зеленой» экономике, которая ориентирована на устойчивое развитие и минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, подчеркивает необходимость создания и внедрения технологий, способствующих повышению производственной эффективности и рациональному использованию ресурсов.

3) введение санкций против ряда стран привело к изменению логистических цепочек, что, в свою очередь, повлияло на структуру импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции.

Безусловно, данные факторы создают новые вызовы для отечественных сельскохозяйственных предприятий и обуславливают актуальность выбранной темы исследования.

Материалы и методы исследования

В данной работе для исследования влияния БПЛА на развитие и организационно-экономические взаимодействия сельскохозяйственных предприятий был использован комплексный подход. В качестве источников статистической информации использовались данные Росстата [7] о производительности труда в сельском хозяйстве, объемах производства основных сельскохозяйственных культур, а также данные специализированных сельскохозяйственных информационных агентств за период с 2020 по 2024 годы. Для анализа динамики развития и изменения организационно-экономических взаимосвязей в сельском хозяйстве в связи с внедрением БПЛА были отобраны 30 сельскохозяйственных предприятий различных типов (крупные агрохолдинги, средние и малые сельскохозяйственные предприятия) в трех федеральных округах России (Центральный, Южный, Приволжский), характеризующихся различными уровнями цифровизации сельского хозяйства. Отбор предприятий проводился методом стратифицированной случайной выборки с учетом размера предприятия, типа сельскохозяйственной деятельности и уровня использования БПЛА. Сбор данных осуществлялся посредством анализа внутренней документации (бухгалтерские отчеты, технологические карты, планы производства). В рамках исследования нами были определены несколько векторов исследования, в частности, поставлены вопросы о применении БПЛА, их влиянии на производственные показатели, затраты на внедрение и эксплуатацию, а также о изменении организационных структур и экономических взаимосвязей с поставщиками, переработчиками и другими участниками агропромышленного комплекса. Кроме того, для углубленного анализа эффективности применения БПЛА в конкретных условиях был проведен анализ на основе детального изучения деятельности отдельных сельскохозяйственных предприятий, отличающихся масштабами и характером применения БПЛА. Полученные количественные данные были подвергнуты статистической обработке с использованием методов корреляционного и регрессионного анализа для выявления взаимосвязей между применением БПЛА и ключевыми экономическими показателями. Для анализа организационно-экономических взаимодействий использовались методы сетевого анализа и моделирования для определения влияния БПЛА на структуру и эффективность связей между участниками агропромышленного комплекса.

Анализ

Влияние беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) на развитие и организационно-экономические взаимодействия сельскохозяйственных предприятий – тема, активно исследуемая за последние 3-4 года. Работы таких авторов, как Белокопытов А. В. [1], Ганичев Н. А., Кошовец О. Б. [2], Докин Б. Д., Алетдинова А. А. [3], Косогор С. [4], Костяев А. И. [5], Романова Л. В. и Шашкова И. Г. [6], свидетельствуют о возрастающем интересе к данному вопросу. Значительный вклад в изучение данной проблематики внесли работы ряда авторов, среди которых особо выделяется исследование Белокопытова А. В. В своем исследовании Белокопытов А. В., анализируя организационно-экономический механизм устойчивого развития аграрного сектора, обозначает проблему интеграции инновационных технологий, включая БПЛА, в существующие хозяйственные процессы. Его исследование указывает на потенциал БПЛА в повышении эффективности производства, однако недостаточно детализирует сопутствующие организационные изменения, необходимые для реализации этого потенциала. Проблема, поднимаемая в рамках организационно-экономических взаимодействий, заключается в несоответствии темпов технологического развития (внедрение БПЛА) и скорости адаптации сельскохозяйственных предприятий к инновациям. Проведенный анализ показал, что обсуждаемая в научной среде тема, затрагивает широкий спектр вопросов. Экономисты рассматривают БПЛА не только как инновационную технологию, но и как фактор, трансформирующий цепочки создания стоимости в агропромышленном комплексе. Анализ фокусируется на нескольких ключевых аспектах. Во-первых, исследуется влияние БПЛА на повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Данный анализ включает в себя оценку экономического эффекта от применения БПЛА для мониторинга посевов, выявления очагов заболеваний и вредителей, оптимизации применения удобрений и пестицидов [1, с. 223]. Авторы проводят сравнительный анализ затрат и результатов, используя различные экономико-математические модели, чтобы определить рентабельность использования БПЛА в сравнении с традиционными методами. При этом учитываются стоимость приобретения и эксплуатации БПЛА, затраты на обработку данных, а также экономия ресурсов, достигаемая за счет более точного и своевременного принятия решений. Особое внимание уделяется оценке влияния на урожайность и качество продукции [2, с. 8]. Во-вторых, значительное внимание уделяется изменению организационных структур и взаимодействий внутри агропромышленных предприятий и между ними. Ряд авторов исследуют возникновение новых рыночных ниш, связанных с предоставлением услуг по мониторингу и обработке данных, полученных с помощью БПЛА. Анализируется формирование новых цепочек поставок и взаимодействие между сельскохозяйственными предприятиями, компаниями-производителями БПЛА и поставщиками сопутствующих услуг [3, с. 11; 4, с. 56]. Особый интерес представляют вопросы формирования кооперации между предприятиями для совместного использования БПЛА и обмена информацией. В-третьих, исследуются экономиче-

ские и социальные последствия широкого распространения БПЛА в сельском хозяйстве [5, с. 23]. Экономисты анализируют влияние на рынок труда, оценивая возможное сокращение численности рабочей силы в связи с автоматизацией отдельных процессов. Параллельно рассматривается возникновение новых профессий, связанных с эксплуатацией и обслуживанием БПЛА [6, с. 152]. Исследовав научную среду, мы можем заключить, что критически важным фактором исследования во всех анализируемых статьях является оптимизация организационно-экономических взаимодействий между сельскохозяйственными предприятиями.

После изучения теоретической стороны рассматриваемой темы, был проведен анализ, который охватывал оценку эффективности использования БПЛА в различных аспектах сельскохозяйственного производства, а также влияние их внедрения на экономические показатели и организационные структуры.

Влияние БПЛА на развитие и организационно-экономические взаимодействия сельскохозяйственных предприятий в Центральном, Южном и Приволжском федеральных округах России исследовалось на выборке из 30 предприятий, включающей крупные агрохолдинги, средние и малые сельскохозяйственные предприятия. Анализ проводился на основе данных, собранных за период 2020–2024 годов, который охватывал влияние БПЛА на производственные показатели, затраты на внедрение и эксплуатацию, а также изменения в организационных структурах и экономических взаимосвязях с поставщиками, переработчиками и другими участниками агропромышленного комплекса. Для исследования были отобраны следующие предприятия: в Центральном ФО – АО «Агро-Центр» (крупный агрохолдинг), ООО «Зерно-Юг» (среднее предприятие), КФХ «Роса» (малое предприятие); в Южном ФО – ООО «Кубань-Агро» (крупный агрохолдинг), ООО «Юг-Агро» (среднее предприятие), КФХ «Солнце» (малое предприятие); в Приволжском ФО – АО «Волга-Агро» (крупный агрохолдинг), ООО «Приволжское поле» (среднее предприятие), КФХ «Урожай» (малое предприятие) и др.

Результаты исследования показали значительную корреляцию между использованием БПЛА и повышением урожайности. В среднем, применение БПЛА привело к увеличению урожайности зерновых культур на 12 % ($r = 0.78$, $p < 0.01$), подсолнечника на 8 % ($r = 0.65$, $p < 0.05$), и картофеля на 15 % ($r = 0.82$, $p < 0.01$). Регрессионный анализ показал, что использование БПЛА для мониторинга состояния посевов является наиболее значимым фактором, влияющим на повышение урожайности (коэффициент регрессии $\beta = 0.55$, $p < 0.01$). Затраты на внедрение БПЛА варьировались в зависимости от типа предприятия и масштаба использования. Крупные агрохолдинги инвестировали в среднем 3 млн. рублей в приобретение и настройку оборудования, в то время как средние и малые предприятия – от 500 тыс. до 1,5 млн. рублей. Ежегодные эксплуатационные расходы составляли в среднем 10 % от первоначальных инвестиций. Однако, несмотря на первоначальные затраты, экономический эф-

фekt от повышения урожайности и оптимизации использования ресурсов значительно превысил затраты на внедрение и эксплуатацию БПЛА. В среднем, рентабельность инвестиций в БПЛА составила 35 % для крупных, 28 % для средних и 22 % для малых предприятий. Применение БПЛА также изменило организационную структуру некоторых предприятий. Крупные агрохолдинги создали специализированные подразделения для управления БПЛА и обработки получаемой информации. Это привело к повышению эффективности использования ресурсов и оптимизации принятия решений. Кроме того, БПЛА способствовали улучшению взаимодействия с поставщиками семян, удобрений и средств защиты растений, а также с переработчиками сельскохозяйственной продукции, за счет более точного планирования и оптимизации логистических цепочек.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие основные выводы: 1) использование БПЛА положительно влияет на производственные показатели сельскохозяйственных предприятий; 2) затраты на внедрение и эксплуатацию БПЛА окупаются за счет повышения урожайности и оптимизации использования ресурсов; 3) применение БПЛА приводит к изменению организационных структур и экономических взаимосвязей в агропромышленном комплексе; 4) эффективность использования БПЛА зависит от масштаба предприятия и уровня квалификации персонала. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение долгосрочного эффекта использования БПЛА, а также на разработку методик оценки экономической эффективности их применения в различных климатических условиях и для разных сельскохозяйственных культур.

Результаты

В целом, исследование показало, что внедрение БПЛА в сельское хозяйство оказывает положительное влияние на экономические показатели предприятий, особенно крупных агрохолдингов. Однако, для эффективного использования БПЛА необходимы достаточные финансовые ресурсы, квалифицированные специалисты и адаптация технологий к специфическим условиям различных регионов. Проведенный анализ позволяет заключить, что для комплексного развития организационно-экономического взаимодействия сельскохозяйственных предприятий необходимо предпринять ряд мер. Однако, самым перспективным и реальным направлением, с целью реализации на 2025–2026 годы является развитие кооперации, создание кластеров и интеграционных объединений, нацеленных на повышение эффективности всей производственно-сбытовой цепочки. В частности, необходимо стимулировать создание крупных агрохолдингов, способных эффективно управлять обширными территориями, инвестировать в современную технику и технологии, а также обеспечивать контроль качества на всех этапах – от посева до реализации продукции. Однако, важно помнить о рисках монополизации и необходимости поддержания конкуренции на рынке. Поэтому государственная

политика должна быть направлена на создание условий для развития как крупных, так и средних и малых сельскохозяйственных предприятий, поощряя специализацию и кооперацию между ними. В заключение, проведенное исследование демонстрирует значительный потенциал применения БПЛА в сельском хозяйстве России. Данная технология способствует повышению эффективности производства, снижению затрат и увеличению прибыли сельскохозяйственных предприятий. Однако, необходимо учитывать начальные инвестиционные затраты и особенности внедрения технологии в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белокопытов, А. В. Организационно-экономический механизм устойчивого развития аграрного сектора экономики / А. В. Белокопытов // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 1. С. 217-226.
2. Ганичев, Н. А. «Новый цифровой разворот» – от дискурса экономического роста к технологическому расколу мира и принудительной рационализации / Н. А. Ганичев, О. Б. Кошовец // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 7-24.
3. Докин, Б. Д. Анализ прошлого и будущего автоматизации растениеводства с развитием технологий точного земледелия / Б. Д. Докин, А. А. Алетдинова // Вестник АПК Ставрополья. 2021. № 1 (41). С. 10-14.
4. Косогор, С. Трансформация сельского хозяйства: цифровые возможности развития / С. Косогор // Системы безопасности. 2022. № 3. С. 56.
5. Костяев, А. И. Дифференциация направлений цифровизации сельских территорий (на примере северо-запада) / А. И. Костяев // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 10. С. 19-27.
6. Романова, Л. В. Развитие агропромышленного комплекса в условиях цифровой экономики / Л. В. Романова, И. Г. Шашкова // Фундаментальные исследования. 2020. № 11. С. 152-156.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 28.02.2025).

REFERENCES

1. Belokopytov, A. V. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm ustoychivogo razvitiya agrarnogo sektora ekonomiki / A. V. Belokopytov // Ekonomicheskie otnosheniya. 2020. T. 10. № 1. S. 217-226.
2. Ganichev, N. A. «Novyy tsifrovoy razvorot» – ot diskursa ekonomicheskogo rosta k tekhnologicheskomu raskolu mira i prinuditel'noy ratsionalizatsii / N. A. Ganichev, O. B. Koshovets // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2022. № 4. S. 7-24.

3. Dokin, B. D. Analiz proshlogo i budushchego avtomatizatsii rastenievodstva s razvitiem tekhnologiy tochnogo zemledeliya / B. D. Dokin, A. A. Aletdinova // Vestnik APK Stavropol'ya. 2021. № 1 (41). S. 10-14.

4. Kosogor, S. Transformatsiya sel'skogo khozyaystva: tsifrovye vozmozhnosti razvitiya / S. Kosogor // Sistemy bezopasnosti. 2022. № 3. S. 56.

5. Kostyaev, A. I. Differentsiatsiya napravleniy tsifrovizatsii sel'skikh territoriy (na primere severo-zapada) / A. I. Kostyaev // Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii. 2022. № 10. S. 19-27.

6. Romanova, L. V. Razvitie agropromyshlennogo kompleksa v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki / L. V. Romanova, I. G. Shashkova // Fundamental'nye issledovaniya. 2020. № 11. S. 152-156.

7. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashcheniya: 28.02.2025).

Информация об авторе

Артем Валерьевич Дьяченко, аспирант, Воронежский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, ул. Карла Маркса, 67А, 394030, г. Воронеж, Российская Федерация, temak69@yandex.ru

Information about the Author

Artem V. Diachenko, graduate student, Voronezh branch Plekhanov Russian University of economics, Karl Marx st., 67A, 394030, Voronezh, Russian Federation, temak69@yandex.ru

Для цитирования: Дьяченко А. В. Влияние БПЛА на развитие и организационно-экономические взаимодействия сельскохозяйственных предприятий // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 80-88. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

УДК 338.12; 338.22.021.4.

ИНТЕГРИРОВАННАЯ СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ БИЗНЕСА В РОССИИ

Антон Сергеевич Сметанин

Волгоградский государственный технический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена научному поиску решения проблемы незавершенности процесса адаптации российского бизнеса к противоречивым трендам изменения рыночной конъюнктуры, одним из которых является возрождение социально-ориентированной модели ведения хозяйства в России, а другим – инновационно-технологический подъем отечественной цифровой экономики. В качестве перспективного решения предлагается смена стратегии российского бизнес-менеджмента.

Методы. С опорой на методический аппарат системного подхода в экономике производится поликритериальный сравнительный анализ двух существующих фокус-стратегий, одна из которых предполагает управление устойчивым развитием, а другая – управление цифровой трансформацией, с разрабатываемой новой стратегией, в которой достигается интегрированное управление устойчивым развитием и цифровой трансформацией.

Анализ. Доказывается предпочтительность интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией бизнеса в России ввиду ее преимуществ: преодоления ограниченности существующих стратегий из-за их узкого фокуса и достижения широкого фокуса стратегического бизнес-менеджмента, а также улучшенной координации управленческих мероприятий.

Результаты. Заданы теоретико-методические установки интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией бизнеса в России: принятие сбалансированных управленческих решений, их интеллектуальная поддержка и системное

управление факторами производства. Обоснованы преимущества авторской стратегии: всеобъемлющий стратегический ориентир – комплексность модернизации бизнеса в единстве устойчивости и высокотехнологичности; скоординированность корпоративной социальной, экологической ответственности и цифровизации; рост экономической эффективности бизнеса благодаря сокращению расхода ресурсов, а также достижению синергетического эффекта в виде более явно выраженного и одновременно достигаемого увеличения социальной, «зеленой» и цифровой конкурентоспособности.

Ключевые слова: бизнес-менеджмент, стратегия управления, управление устойчивостью, управление цифровизацией, модернизация менеджмента.

UDC 338.12; 338.22.021.4.

INTEGRATED STRATEGY FOR MANAGEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND DIGITAL TRANSFORMATION OF BUSINESS IN RUSSIA

Anton S. Smetanin

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the scientific search for a solution to the problem of the incompleteness of the process of adaptation of Russian business to contradictory trends in changing market conditions, one of which is the revival of the socially oriented model of doing business in Russia, and the other is the innovative and technological rise of the domestic digital economy. A change in the strategy of Russian business management is proposed as a promising solution.

Methods. Based on the methodological apparatus of the Systems Approach in Economics, a polycriterial comparative analysis of two existing focus strategies is carried out, one of which involves managing sustainable development, and the other – managing digital transformation, with a new strategy being developed, which achieves integrated management of sustainable development and digital transformation.

Analysis. The article proves the preferability of an integrated strategy for managing sustainable development and digital transformation of business in Russia due to its advantages: overcoming the limitations of existing strategies due to their narrow focus and achieving a broad focus of strategic business management, as well as improved coordination of management activities.

Results. The theoretical and methodological guidelines for an integrated strategy for managing sustainable development and digital transformation of business in Russia are set: making bal-

anced management decisions, their intellectual support and systemic management of production factors. The advantages of the author's strategy are substantiated: a comprehensive strategic guideline – the complexity of business modernization in the unity of sustainability and high technology; coordination of corporate social, environmental responsibility and digitalization; growth of economic efficiency of business due to a reduction in resource consumption, as well as achieving a synergistic effect in the form of a more pronounced and simultaneously achievable increase in social, "green" and digital competitiveness.

Keywords: business management, management strategy, sustainability management, digitalization management, management modernization.

Введение

Менеджмент российского бизнеса продолжает адаптироваться к конъюнктурным изменениям в рыночной среде отечественной экономики. Проблему составляет то, что, несмотря на длительность процесса данной адаптации, запущенного сразу при очерчивании контуров современной экономической конъюнктуры, рассматриваемый процесс до сих пор не завершен, из-за чего положение деловых хозяйствующих субъектов на их целевых рынках остается шатким, непрочным.

Причина поставленной проблемы кроется в противоречивости происходящих изменений, воплощенных в двух основных трендах. Один конъюнктурный тренд состоит в ренессансе социально-ориентированной модели экономики в России, которая при наложении на сегодняшний рыночный ландшафт принимает форму заботы бизнеса о работниках, потребителях и обществе в целом, а также вовлеченности бизнеса в практики защиты окружающей среды. Другой конъюнктурный тренд заключается в инновационно-технологическом подъеме цифровой экономики России в ходе Четвертой и Пятой промышленных революций. Принятие данного тренда российским бизнесом находит отражение в автоматизации деловых хозяйственных процессов.

Изолированная адаптация стратегий бизнес-менеджмента к протекающим в российской экономике конъюнктурным трендам приводит к частичной модернизации управленческих практик деловых хозяйствующих субъектов [5]. Для решения поставленной проблемы предлагается переход российского бизнес-менеджмента к новой – интегрированной стратегии, обоснование предпочтительности и разработка теоретико-методических основ которой выступает в качестве цели данного исследования.

Методология

В качестве объектов изучения выступают три альтернативные стратегии бизнес-менеджмента: 1) фокус-стратегия управления устойчивым развитием; 2) фокус-стратегия

управления цифровой трансформацией и 3) интегрированная стратегия управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией.

Методический аппарат проводимого исследования опирается на теорию и методологию системного подхода в экономике, в соответствии с которым для научной аргументации предпочтительности интегрированной стратегии в России методом сравнительного анализа авторская стратегия сопоставляется с существующими фокус-стратегиями, благодаря чему высвечиваются ее преимущества.

Дискуссия

В имеющейся научной литературе описываются две стратегии бизнес-менеджмента, доступные и реализуемые в современной России. Первая: фокус-стратегия управления устойчивым развитием. Она названа так потому, что сосредоточена на корпоративной социальной и экологической ответственности, в совокупности обеспечивающих устойчивое развитие бизнеса. Эта стратегия и опыт ее практической имплементации в России освещены в трудах [1; 6; 7; 8].

Вторая: фокус-стратегия управления цифровой трансформацией. Она получила свое название ввиду того, что в этой стратегии управленческие усилия бизнеса сконцентрированы на обеспечении высокотехнологичности деловых хозяйственных процессов. Особенности данной стратегии и эмпирический обзор ее реализации в деловой среде России содержатся в опубликованных работах [2; 3; 4; 9].

Таким образом, проведенный литературный обзор выявил разрозненность имеющихся исследований и публикаций, в которых вопросы адаптации менеджмента российского бизнеса к конъюнктурным трендам устойчивого развития и цифровизации рыночной среды прорабатываются по отдельности. Неясность возможностей и перспектив всесторонней адаптации российского бизнес-менеджмента к обоим происходящим трендам представляет собой пробел в литературе, заполняемый с помощью данного исследования.

В качестве предлагаемой новой стратегии бизнес-менеджмента, призванной ускоренно завершить процесс его адаптации в наблюдаемых трендах изменения рыночной конъюнктуры, приобретший затяжной характер, выступает интегрированная стратегия управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией бизнеса в России. Она объединяет в себе лучшие черты и функциональность двух сложившихся стратегий и позволяет преодолеть их фрагментарность.

По итогам проведенного поликритериального сравнения двух существующих фокус-стратегий и предлагаемой третьей – интегрированной стратегии бизнес-менеджмента с позиций соответствия данных стратегий реалиям современной российской экономики получены следующие результаты (табл. 1).

Как продемонстрировано в табл. 1, в качестве стратегического ориентира бизнес-менеджмента в фокус-стратегии управления устойчивым развитием выступает устойчивость бизнеса, в фокус-стратегии управления цифровой трансформацией – высокотехнологичность бизнеса, а в интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией – комплексность модернизации бизнеса в единстве устойчивости и высокотехнологичности. Благодаря комплексному ориентиру в интегрированной стратегии расширены границы бизнес-менеджмента и достигается его более полный охват.

Таблица 1 – Сравнительный анализ стратегий бизнес-менеджмента в России

Критерии сравнения стратегий	Альтернативные стратегии бизнес-менеджмента в России		
	Фокус-стратегия управления устойчивым развитием	Фокус-стратегия управления цифровой трансформацией	Интегрированная стратегия управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией
Стратегический ориентир бизнес-менеджмента	устойчивость бизнеса	высоко-технологичность бизнеса	комплексность модернизации бизнеса
Адаптация бизнеса к социально-экологическому тренду	достигается благодаря ответственности	не достигается	происходит наиболее полная адаптация благодаря системности корпоративной ответственности и цифровизации
Адаптация бизнеса к технологическому тренду	не достигается	достигается благодаря цифровизации	
Эффективность бизнеса при реализации стратегии	низкая из-за перерасхода ресурсов и ограниченности результатов, достигаемых бизнесом в результате реализации стратегии		высокая благодаря рационализации ресурсов и синергичности результатов
Вклад стратегии в конкурентоспособность бизнеса	укрепляется только социальная и «зеленая» конкурентоспособность	наращивается только цифровая конкурентоспособность	системный рост конкурентоспособности: социальной, «зеленой» и цифровой

Источник: разработано и составлено автором.

Адаптация бизнеса к социально-экологическому тренду в фокус-стратегии управления устойчивым развитием достигается благодаря ответственности, а в фокус-стратегии управления цифровой трансформацией – не достигается. Адаптация бизнеса к технологическому тренду в фокус-стратегии управления устойчивым развитием не достигается, в фокус-стратегии управления цифровой трансформацией – достигается благодаря цифровизации.

В интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией – происходит наиболее полная адаптация – одновременно и к социально-экологическому тренду, и к технологическому тренду – благодаря системности корпоративной ответственности и цифровизации. Вместо разграничения в интегрированной стратегии происходит объединение учитываемых бизнес-менеджментом трендов изменения рыночной конъюнктуры, что обеспечивает лучшую координацию управленческих мероприятий.

Эффективность бизнеса при реализации фокус-стратегий – низкая из-за перерасхода ресурсов и ограниченности достигаемых результатов. Так, к примеру, в фокус-стратегии управления устойчивым развитием снижение емкости и повышение «чистоты» используемой энергии зачастую происходит в ущерб производительности труда, а в фокус-стратегии управления цифровой трансформацией запуск «умных» производств обычно вызывает «побочный эффект» в виде высвобождения кадров.

В интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией достигается гораздо более высокая эффективность бизнеса благодаря рационализации ресурсов и синергичности результатов. Экономический смысл роста эффективности в интегрированной стратегии состоит в едином бюджете модернизационных инициатив бизнеса, а также в лучшем согласовании его результатов.

Вклад в конкурентоспособность бизнеса в фокус-стратегии управления устойчивым развитием состоит в укреплении только социальной и «зеленой» конкурентоспособности, в фокус-стратегии управления цифровой трансформацией – выражен в наращивании только цифровой конкурентоспособности, а в интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией – заключается в системном росте конкурентоспособности: социальной, «зеленой» и цифровой.

Таким образом, обсужденные результаты сравнительного анализа однозначно свидетельствуют о предпочтительности интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией бизнеса в России, за основу в которой рекомендуется принять следующие теоретико-методические предложения:

- принятие сбалансированных управленческих решений: обязательный учет вероятных социальных и экологических последствий при проведении автоматизации бизнес-процессов и принятие мер для оптимизации данных последствий, к примеру, мер создания высокопроизводительных и знаниеемких «зеленых» рабочих мест, а также мер внедрения энергосберегающих «умных» технологий;
- системное управление факторами производства: развитие человеческих ресурсов посредством корпоративного обучения и стимулирования инновационной активности персонала для превращения данных ресурсов в цифровые кадры, IT-специалистов, носителей уникальных компетенций, а также источников

ценных для бизнеса интеллектуальных ресурсов, что повысит ценность человеческих ресурсов и устранил необходимость в высвобождении кадров при автоматизации;

- интеллектуальная поддержка управленческих решений: в случаях, когда интуитивное принятие решений не позволяет согласовать социальные, экологические и технологические приоритеты бизнеса, целесообразно задействовать «умные» средства автоматизации менеджмента, способные к решению более сложных оптимизационных задач.

Сформулированные научно-методические положения рамочно раскрыли экономический смысл интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией бизнеса в России и могут выступать в качестве ее базовых управленческих установок, рекомендуемых к принятию современным российским бизнесом.

Выводы

Для финализации процедуры адаптации российского бизнеса к конъюнктурным изменениям современности, приведения его в состояние, релевантное новым экономическим реалиям, и упрочнения его рыночных позиций необходим переход от фокус-стратегий к интегрированной стратегии управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией бизнеса в России. В числе главных преимуществ новаторской стратегии бизнес-менеджмента, во-первых, всеобъемлющий стратегический ориентир – комплексность модернизации бизнеса в единстве устойчивости и высокотехнологичности. Во-вторых, скоординированность корпоративной социальной и экологической ответственности, а также цифровизации. Внедрение разработанной интегрированной стратегии обеспечит повышение эффективности российского бизнеса благодаря более экономичному ресурсопотреблению, а также извлечение синергетического эффекта в виде более явно выраженного и одновременно достигаемого увеличения социальной, «зеленой» и цифровой конкурентоспособности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бардаков, А. И. Местное самоуправление в политической системе современной России / А. И. Бардаков // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 1 (7). С. 7-18.
2. Евстратов, А. В. Конкурентоспособность российских электронных платежных систем в рамках присоединения Российской Федерации к ВТО / А. В. Евстратов, А. И. Бережнова // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. № 5 (108). С. 37-43.
3. Евстратов, А. В. Развитие рынка электронных платежных систем в рамках присоединения Российской Федерации к ВТО / А. В. Евстратов, А. И. Бережнова // Экономика: теория и практика. 2013. № 2 (30). С. 056-062.

4. Иванова, Т. Б. Особенности обеспечения безопасности реального сектора экономики в современных условиях / Т. Б. Иванова, Е. М. Рудь, М. А. Рудь // Евразийский союз ученых. 2014. № 9. С. 113-115.

5. Морозова, И. А. Управление конкурентоспособностью бизнеса на основе искусственного интеллекта и больших данных для его устойчивого развития / И. А. Морозова, А. С. Сметанин, А. И. Сметанина // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 1 (97). С. 29-40. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-1-29-40

6. Федотова, Г. В. Императивы «зелёного» финансирования экотехнологических трендов / Г. В. Федотова, Ю. А. Капустина, А. А. Соколов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12. № 1. С. 46-57. DOI: 10.21869/2223-1552-2022-12-1-46-57

7. Чумакова, Е. А. Классификация рабочих мест на рынке труда по видам экономической деятельности (на примере Волгоградской области) // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 4 (29). С. 204-210.

8. Яковенко, В. В. Инвестиционный процесс в волгоградской области: современное состояние и факторы развития / В. В. Яковенко, Ю. В. Брехова // Научно-практический журнал. Экономика успеха. 2013. № 1-2. С. 12-15.

9. ESG Management of Digital Business Using Big Data and Artificial Intelligence (AI) in Support of the Green Economy in Russia and Central Asia / K. T. Samieva, I. I. Saenko, V. I. Menshchikova, A. S. Smetanin // ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia. – Cham : Springer, 2023. – P. 3-11. – DOI: 10.1007/978-3-031-46525-3_1. – EDN ZBFGQJ.

REFERENCES

1. Bardakov, A. I. Mestnoye samoupravleniye v politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii [Local self-government in the political system of modern Russia]. Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava [Paradigms of management, economics and law], 2023, no. 1 (7), pp. 7-18.

2. Evstratov, A. V., Berezhnova, A. I. Konkurentosposobnost' rossiyskikh elektronnykh platezhnykh sistem v ramkakh prisoyedineniya Rossiyskoy Federatsii k VTO [Competitiveness of Russian electronic payment systems in the framework of the Russian Federation's accession to the WTO]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Volgograd State Technical University], 2013, no. 5 (108), pp. 37-43.

3. Evstratov, A. V., Berezhnova, A. I. Razvitiye rynka elektronnykh platezhnykh sistem v ramkakh prisoyedineniya Rossiyskoy Federatsii k VTO [Development of the electronic payment systems market in the framework of the Russian Federation's accession to the WTO]. Ekonomika: teoriya i praktika [Economy: theory and practice], 2013, no. 2 (30), pp. 056-062.

4. Ivanova, T. B., Rud, E. M., Rud, M. A. Osobennosti obespecheniya bezopasnosti real'nogo sektora ekonomiki v sovremennykh usloviyakh [Features of Ensuring Security of the Real Sector of the Economy in Modern Conditions]. Yevraziyskiy soyuz uchenykh [Eurasian Union of Scientists], 2014, no. 9, pp. 113-115.

5. Morozova, I. A., Smetanin, A. S., Smetanina, A. I. Upravleniye konkurentosposobnost'yu biznesa na osnove iskusstvennogo intellekta i bol'shikh dannykh dlya yego ustoychivogo razvitiya [Managing Business Competitiveness Based on Artificial Intelligence and Big Data for Its Sustainable Development]. Sovremennaya konkurentsia [Modern Competition], 2024, vol. 18, no. 1 (97), pp. 29-40. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-1-29-40

6. Fedotova, G. V. Kapustina, Yu. A., Sokolov, A. A. Imperativy «zelenogo» finansirovaniya ekotekhnologicheskikh trendov [Imperatives of "green" financing of eco-technological trends]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management], 2022, vol. 12, no. 1, pp. 46-57. DOI: 10.21869/2223-1552-2022-12-1-46-57

7. Chumakova, E. A. Klassifikatsiya rabochikh mest na rynke truda po vidam ekonomicheskoy deyatelnosti (na primere Volgogradskoy oblasti) [Classification of jobs in the labor market by types of economic activity (on the example of the Volgograd region)]. Biznes. Obrazovaniye. Pravo [Business. Education. Law], 2014, no. 4 (29), pp. 204-210.

8. Yakovenko, V. V., Brekhova, Yu. V. Investitsionnyy protsess v volgogradskoy oblasti: sovremennoye sostoyaniye i faktory razvitiya [Investment process in the Volgograd region: current state and development factors]. Nauchno-prakticheskiy zhurnal Ekonomika uspekha [Scientific and practical journal Economy of success], 2013, no. 1-2, pp. 12-15.

9. ESG Management of Digital Business Using Big Data and Artificial Intelligence (AI) in Support of the Green Economy in Russia and Central Asia / K. T. Samieva, I. I. Saenko, V. I. Menshchikova, A. S. Smetanin // ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia. – Cham : Springer, 2023. – P. 3-11. – DOI: 10.1007/978-3-031-46525-3_1. – EDN ZBFGQJ.

Информация об авторе

Антон Сергеевич Сметанин, аспирант кафедры экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, пр. Ленина, 28а, 400131, г. Волгоград, Российская Федерация, smetanin_a_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1185-7002>, SPIN-код: 2137-3082, AuthorID: 1182485

Information about the Author

Anton S. Smetanin, Postgraduate student, Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation, Lenin av., 28a, 400131, Volgograd, Russian Federation, smetanin_a_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1185-7002>, SPIN-код: 2137-3082, AuthorID: 1182485.

Для цитирования: Сметанин А. С. Интегрированная стратегия управления устойчивым развитием и цифровой трансформацией бизнеса в России // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 1 (15). С. 89-98. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N1.pdf.

Сетевое издание

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Том 6 № 1(15) 2025

Дата выхода в свет:

25 марта 2025 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10